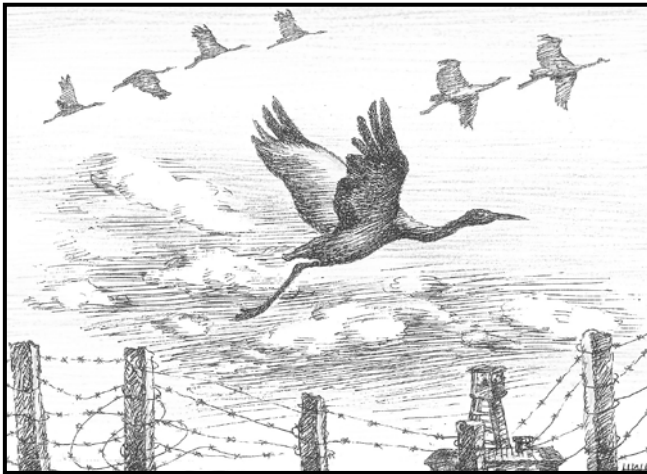

Шалум Шалумов

Возвращаясь к истокам... или «Шила в мешке не утаишь»

“Sholumi”

Центр сохранения и развития национальных традиций, самобытности языка,
культурного и исторического наследия горских евреев

Israel, 2017

Центр «Sholumi» выражает благодарность
президенту Международного Фонда СТМЭГИ,
вице-президенту Российского Еврейского Конгресса
д-ру Герману Рашбиловичу Захарьяеву
за содействие в издании этой книги.

Шалум Шалумов:
+(972)54-751-64-22
shalum_shalumov@mail.ru

Возвращаясь к истокам... или “Шила в мешке не утаишь”. Шалум Шалумов – Центр “Sholumi”, Israel, 2017.

В данном исследовании Шалум Шалумов наглядно демонстрирует причинно-следственные связи изъятия первыми и последующими советскими лидерами горских евреев города Дербента из истории своей общины досоветской литературной культуры вместе с именами её основоположников, Первых Поэтов: Мардахая Овшалума, Шоула Симанду, Айболо из Тарки и др. А также прослеживает этапы насильственного переименования этими же лидерами национальности своего горско-еврейского народа на унизительное наименование «тат».

© Shalum Shalumov, 2017, Israel
© «Sholumi», 2017, Israel

*Посвящается светлой памяти поэта,
сказочника и собирателя Амалдана Кукуллу
и всех горско-еврейских поэтов и писателей,
записавших стихи, песни, хвалы и эпитафии
Мардахая Овшолума из устной народной памяти
и сохранивших их для потомков.*

Ш. Шалумов

Найду я там коня Гъир-Ат,
Возьму я свой кинжал-булат
И подниму с врагом на бой
Народ многострадальный свой.

Мардахай Овшолум,
из стихотворения «В каземате».

ПИСЬМО-ОТЗЫВ

на первое издание книги Шалума Шалумова «Легендарный Мардахай Овшолум Сибири (Сибирский)», Израиль, 2009 г. и пожелания на второе издание этой книги «Поэт-бунтарь Мардахай Овшолум Сибири (Сибирский)», Израиль, 2013 г. литературоведа, кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника ИЯЛИ ДНЦ РАН Галины Борисовны Мусахановой (в сокращении).

Дорогой Шалум Авшалумович! Ваша книга оказалась для меня психологически очень трудной, нежданно трудной, своими пронзительными эмоциональными акцентами, проникающими в душу. Прежде всего, примите моё искреннее соболезнование в связи с Вашей Великой утратой! Храни Вас Бог, чтобы Вы смогли посвящать светлой памяти Вашего Сына ещё много новых своих работ!

А эта Ваша книга заслуживает большой благодарности! Воспринимаю её как свежее слово в нашей культуре в целом! Это интересное исследование, отмечающее все сложные перипетии судьбы поэта-бунтаря из Дербента, выразителя народных интересов горских евреев, Мардахая Овшолума, и свидетельствующее о Ваших глубоко научных принципах, что для меня стало неожиданным открытием.

Мне не приходилось читать такой яркой работы, свободной от наших комплексов «единомыслия» по истории нашей литературы и, в частности, очерков о её ведущих фи-

гурах, обретающих пока всё ещё формы стандартных жизнеописаний. Пожалуй, из всех предшествующих (ещё малочисленных) работ, посвящённых персоналиям, выделяется книга Амалдана Кукуллу, изданная в Москве в 1995 г., с которой перекликается Ваша работа. Помню в 1990 г. в Москве восторженный рассказ Амала о своих Дербентских записях и его удивление любовью земляков и их доброй памятью о своём поэте.

Наверно, Ваш рассказ о знакомстве с Амалом в Москве у книжного магазина и о том, как в Израиле попало Вам в руки подлинное фото Классика, было, как говорится, Божьим промыслом! Воистину: «Кто ищет, тот всегда найдёт»!

Мне очень понравилась Ваша высокая оценка его вклада в сбор, изучение и публикацию произведений нашего Поэта, восторженным почитателем которого он стал. Ваша же работа, опубликованная почти через 15 лет после его книги, естественно, уже выполнена на другом уровне. Вы от начала до конца своего труда выдерживаете этот уровень, о чём свидетельствует Ваша полемика с двумя, как Вы их назвали, нашими «литературными авторитетами» (вполне узнаваемыми). При всей Вашей тактичности, она получилась очень поучительной и определяющей с самого начала своеобразие Вашего труда.

Вся система приведённых фактов из жизни Героя книги, подлинного Поэта-Гражданина, страстная убедительность Ваших доводов, опровергающих суждения этих «авторитетов», необычность способа исследования, его композиция, привлечение ценных материалов, которые до этого не были столь глубоко осмыслены с научной точки зрения, не говоря о своеобразии языка и стиля изложения и прекрасном художественном оформлении и многое другое, наглядно убеждает о том, что на современном этапе лучше

Вас никто не разбирается в истории жизни и смерти нашего Поэта, обозначившего своим творчеством рождение новой письменной культуры горских евреев конца XIX – начала XX вв., вплоть до 20-х советских годов. Вам удалось проникновенно рассказать о его величественной и трагической судьбе, внося много необходимых уточнений.

Несмотря на пропажу рукописей Поэта, о чём Вы рассказываете с болью, и отсутствие некоторых звеньев и подробностей его биографии, Вы сумели создать живой и объёмный образ подлинного Героя, мужественного человека, чьи произведения жили и живут и в устном виде в нашем народе вот уже почти 150 лет.

Действительно, богатырское здоровье, сила духа и любовь к своему народу и к жене Нергюз, которой посылал пламенные строки, позволили ему пережить многократные ссылки в Сибирь, откуда он умудрялся вырываться домой, за что был прозван «Сибирским» (Сибири) и принять участие в 1919 г. уже немолодым человеком в борьбе за народную власть, как ему (и нам всем потом) казалось.

Горько сознавать, что в этот период, когда наступал для него этап вдохновенного творчества, он был предательски убит!

Ваш термин «классик» действительно узаконивает его роль в развитии новых демократических черт нашей литературы.

Все разделы книги хорошо отражают новаторскую сущность Вашей работы. Остановлюсь на последнем разделе исследования, кстати, самом большом, теперь представляющим «Золотой фонд» творчества Мардахая Овшолума, где собраны все произведения его, записи которых были осуществлены в разные годы восторженными почитателями его таланта, нашими известными поэтами разного поколения: Даниилом Атниловым (1915-1968), Амалданом Куку-

лиевым (1937-2000), Борисом Гавриловым (1908-1961), Семёном Юсуфовым (1914-1985). Светлой им памяти! А Вам низкий поклон! Этот исторически значимый раздел вновь подчёркивает принципиальное различие в осмысление жизни и гибели нашего известного Поэта Вами и теми двумя «авторитетами»!

Вы стремитесь к истине, к восстановлению Правды о жизни и гибели Классика, самое главное – стремитесь восстановить основной «корпус» его произведений с возможной полнотой! А они стремятся «застолбить» свои имена в исследованиях знаменитого Классика, интерес к которому не пропадает в нашем народе.

Вы не задумывались, почему старший в этом «тандеме» авторитетов так и не опубликовал собранный им материал по творчеству Классика, работая в нашем Институте до войны, хотя бы как это осуществил Данил Атнилов после возвращения с фронта?

Любопытна в этом отношении его позиция, проявившаяся при издании Институтом его книги «Фольклор тати» («Эн жугьрун догьи») в 1940 г. В книге 193 страницы. После его очень обширного предисловия «Пушой гофи», представлены большие разделы наших сказок, колыбельных песен, пословиц и поговорок, приводятся и азербайджанские «доброжелания», бытующие в нашем народе. Значительную часть сборника составляют материалы досоветского периода. В самом конце книги без названия приводятся 13 четверостиший Классика, известных теперь как цикл «Перед судом», затем после трёх точек публикуются ещё 2 четверостишия той же темы, но без внятной информации об авторе.

В предисловии, где даётся полная информация о составе книги и её авторах, которыми записаны публикуемые произведения, Мардахай Овшолум вообще не упоминается! В «Комментариях» в конце книги читаем опять безликую

последнюю фразу: «Метелегьо, мэгИнигьой хэйтогьии, эз мэгьнигьой Мердэхей, ве хубо воегьо нуьвьусте оморет эдестин М. Дадашев ве Хь. Авшалумовевоз», с. 193.

Здесь явная попытка скрыть свою связь с этим автором, хотя он знал все его произведения наизусть, в чём я убедилась в середине 70-х годов у него дома, когда он весь вечер с большим вдохновением декламировал их. В ту пору я очень дружила с ним и его женой, а потом «раздружилась» навсегда из-за начавшейся фальсификации им и его компанией нашей истории.

Ваша работа, обнаружившая не только Ваш исследовательский дар, ориентированный на современные методы литературной науки, но и Вашу художественную многообразность, стала для меня приятным сюрпризом.

Вы предстаёте не только серьёзным исследователем, публицистом, достаточно умелым переводчиком Классика на русский язык, но и талантливым иллюстратором и художником. Приложенные в конце книги снимки дают представление о тематическом и жанровом разнообразии Ваших полотен, тяготеющих и к классическим формам реализма, и к модным теперь экспериментам с цветовой гаммой рисунка, порой у некоторых авторов, на мой взгляд, зашкаливающих до потери здравого смысла. Часто нельзя понять, что этими цветовыми пятнами на картине хотел рассказать автор. Их «концептуальность» до меня не доходит!

А у Вас всё понятно, при всей замысловатости сюжета многих работ, данных порой с юмором. Сюжет их можно пересказать. Интересны и Ваши сатирические типы. Впечатляют Ваши гобелены, плакаты, батик, совсем новый для меня вид искусства по шёлку, требующий огромной сосредоточённости, мастерства и терпения.

Приложенная в конце книги необходимая краткая автобиографическая справка очень помогает знакомству с

Вами, этапами Вашей жизни и пониманию Ваших художественных пристрастий, в хорошем смысле слова.

Прекрасно оформлен и титульный лист, но уже с Вашим эмоциональным обращением к читателям, которым презентуете свой труд, с добрыми пожеланиями на русском языке и на иврите, данном в замечательном символе евреев – интересно оформленном медальоне в виде открытой ладони с пятью пальцами.

Вы ушли от необходимости объяснения своего утверждения о том, что Мардахай Овшолум творил на «джуури». Этот термин действительно вошёл в современную науку с обозначением лишь названия нашего еврейско-татского языка, в отличие от языка исконных татов (давно слившихся с азербайджанцами), подобно терминам «идиш» для названия языка европейских евреев и «ладиино» – для испаноязычных евреев. Все эти термины обозначают «еврейский язык», на котором изъясняются между собой евреи той или иной общины.

Вопрос о древнееврейском алфавите, которым пользовались наши оба поэта, остался не обозначенным. Оба поэта творили на диалекте дербентских азербайджанцев, очень отличающемся от языка высокой поэзии в самом Азербайджане, заложенного корифеем тюркоязычной поэзии, великим Мухаммедом Физули (1494-1556).

И известный представитель дагестанской литературы, старший современник наших обоих поэтов, представитель Южного Дагестана, лезгин Гасан Алкадари (1834-1910), большой знаток арабо-письменной культуры и сам творивший на арабском языке, свою историческую книгу «Асари Дагестан» создал на диалекте азербайджанского языка, близкого языку наших двух поэтов. В то же время и творчество наших обоих поэтов, создававших свои произведения на диалекте азербайджанского языка, как и произведения

Сулеймана Стальского, не стали фактами азербайджанской литературы.

Наши оба автора творили в традициях «ашугской поэзии», отражая пробуждение личности трудового человека, втянутого со своим Дербентом в общекавказский и общероссийский процесс конца XIX – начала XX вв.

...Вдруг только сейчас поняла, почему, зафиксировав этот важный аспект, Вы ограничились лишь постановкой вопроса! Не имея ни одного подлинного текста Мардахая Овшолума в связи с пропажей его рукописей, Вы не смогли продолжать эту тему!

На примере рукописей Шоула Симанду можно более утвердительно говорить о древнееврейской графике их произведений и об их отличии в этом плане от их известного безграмотного современника лезгина Сулеймана Стальского, получившего в начале 30-х гг. широкое признание, особенно после Первого Всесоюзного съезда писателей СССР в Москве в сентябре 1934 г. Его громкая слава родилась не без поддержки первого секретаря Дагестанского обкома партии Дж. Коркмасова.

Наши оба поэта такой поддержки не имели. Более того, в изданном в июне 1934 г. к съезду писателей Дагестана первом коллективном сборнике «Шогьиргьой тати» под редакцией главного лидера тех лет Ехиила Мататова (он же – автор обширного предисловия), этим двум нашим поэтам была посвящена лишь одна фраза, вычеркнувшая их из рядов советских литераторов и отнесшая к фольклору.

Тогда уже не было в живых самого Мардахая Овшолума, а Шоул Симанду, вероятно, не смог противостоять этой характеристике боевого лидера нашей народности.

Кстати, этим фактом можно объяснить и «боязливость» составителя книги «Фольклор тати», о чём я упоминала раньше.

Один перечень имён их современников чего стоит! Вместе они представляют Золотой фонд нашей культуры! И какие разные таланты! Для меня святы их имена! Это был настоящий творческий взлёт нашей письменной культуры! Ведь потом все они будут вычеркнуты из нашей истории. Поэзия будет развиваться в русле политических агиток и призывов!

Одобряю Ваше стремление сделать этот раздел типологически близким всей письменной культуре народностей Дагестана той эпохи, перечисляя подобные фигуры дагестанской литературы. Но Вашу книгу не знают в научном мире Дагестана. Надо позаботиться, чтобы она стала доступна и нашей науке.

В нашем институте ЯЛИ ДНЦ РАН сейчас развёрнута большая работа по исследованию почти всех, даже бесписьменных, языков, а наш язык – один из первых пяти литературных языков, остаётся без исследователя...

Лидер горских евреев, отлучивший от литературы Мардахая Овшолума и Шоула Симанду, будет возмущаться на страницах нашей газеты «Захъметкеш» появлением на них (например, в 1933) нескольких произведений любовной лирики, по его утверждению, «отвлекавших колхозников от трудового энтузиазма накануне сельскохозяйственных работ». Ему будет вторить и молодой лидер горских евреев Азербайджана, упрекая двух выдающихся наших молодых талантливых литераторов из Дербента, выступавших под псевдонимами, в безыдейности.

И всё-таки на этом фоне доносов, изгнания свободно мыслящих людей, в нашем народе продолжала жить полная трепетных человеческих чувств поэзия Мардахая Овшолума, его лирика «разума и сердца», о чём свидетельствовало огромное количество записей его песен, собранных Амалом Кукулиевым в 1965 г. в Дербенте. Я с этими записями по-

знакомилась в начале 90-х. Поэтому повторяюсь: надо обязательно все «добротные» новые труды, издающиеся там у вас, присылать сюда! Иначе они не будут фактом для научной общественности Дагестана.

Наши соплеменники из Азербайджана, живущие в Израиле, имеют более тесные творческие связи со своей Родиной, чем наши горские евреи из Дагестана. Это и понятно: там и правительство, и земляки совершенно иначе себя ведут.

Несколько человек здесь из наших соплеменников, сделавших карьеру на искажении нашей истории, рекрутирующие своих сторонников, к сожалению, до сих пор влияют на этот «микроклимат» в Дербенте и в целом в Дагестане. Остаётся ощущение, что руководители республики отдали на откуп этой «группе» нашу историю, сбросив с себя всякие беспокойства по этому поводу!

По ходу Вашего изложения встречаются отдельные моменты, связанные с проявлением нашей советской риторики. Например, что плохого в том, что наши дербентские «богачи», среди которых были не только горские евреи, но и азербайджанцы, и армяне, преподнесли, посетившему Дербент в 1913 г. императору России Николаю II в честь 300-летия «Дома Романовых» и окончания строительства железной дороги до Баку, два великолепных здания – здание реального училища и городской больницы? Они и сейчас являются украшением города на фоне всех новостроек. А ещё «богачи» замостили четыре центральные улицы, вычистили весь город от мусора, поставили городские часы. Но не унёс же царь эти «подарки» в кармане в Петербург!

Сожалею, что «богачи» мало сделали таких подарков. Если бы ещё и водоснабжение города наладили, какая польза была бы: ведь до сих пор, почти через 100 лет после этого события, Дербент страдает от перебоев водой!

Ваша отповедь обоим «авторитетам» в серьёзных изъяснениях их версий, намеренном искажении продолжительности поэтической биографии Классика и сокрытии ими причины гибели Поэта, справедливы. Я вас очень хорошо понимаю.

Вы недовольны тем, что Николай II не принял приглашения пойти на ночь в дом к полицмейстеру Дербента, где были готовы к встрече высокого гостя, а удостоил высочайшей честью одного из сыновей убийцы нашего Поэта, с которым познакомился в первый свой приезд в Дагестан.

Среди богачей Ханукаевых были всякие люди – забияки, кичливые, мстительные, но ведь были и очень порядочные личности. Скажу Вам более: мы (Мусахановы) ведь тоже Ханукаевы, но на каком-то этапе нашей семейной истории предки моего отца отказались носить эту фамилию! И, тем не менее, я преклоняюсь перед светлой памятью многих Ханукаевых.

Вспоминается мне сейчас талантливый врач – Пинхас Ханукаев, первый доктор наук из горских евреев Кавказа, получивший образование в Ленинграде, бескорыстно служивший людям! В моём детстве, в конце 20-х начале 30-х гг. доктор Ханукаев лечил больных малярией доступными ему тогда медицинскими средствами, но, главное, поборол эту болезнь!

Я преклоняюсь перед именами и двух дочерей Ханукаевых, первых светских и советских педагогов: Сусанной Ильягуевной и Ханум Ильягуевной, сыгравших большую роль в преодолении безграмотности наших женщин, они явились и авторами первых учебников для нашего народа.

А имя их родного племянника, который как инженер-взрывник 24-х летним парнем должен был обезвреживать неразорвавшиеся бомбы, часто огромных размеров, которые сыпались на блокадный Ленинград? Он обезвредил сотню бомб! А его праправнучка, которая в свои неполные 17 лет

стала ведущей балериной в недавно созданном в Махачкале Государственном театре оперы и балета? Открытие его состоялось в 2003 г. балетом Ширвани Чалаева «Горянка», по произведению Расула Гамзатова, и наша балерина была в главной роли.

Дорогой Шалум! Всё это я пишу для того, чтобы Вы поняли, что не все Ханукаевы Ваши враги, чтобы Вы не травили себя, не мучились Вашей необнародованной тайной! Сбросьте с себя этот «груз», отдайте его истории! Ведь многие из них, особенно молодое поколение, ни в чём не виноваты!

Если Вы будете себя иначе вести, может быть, кто-то из «них» найдёт в себе силы принять участие вместе с Вами в «открытии» этой трагедии не только за давностью лет, а из желания не передавать будущим поколениям «чувства вины». Тем более, прецедент уже был с моими предками, отказавшимися даже от своей исконной фамилии. Подумайте об этом!

Теперь о некоторых Ваших переводах. Почему-то моя душа не принимает Ваш перевод из известного стихотворения Мардахая Овшолума «О моём Дербенте». Во втором четверостишии в третьей и четвёртой строках:

«Э сер ранглуе сумогъгьо – Медальоном разноцветных красивых ковров

Поисди Дербенд - Ватан ме – Стоит Дербент – древний город родной».

У Атнилова звучит гораздо поэтичнее на нашем языке. Ваш «медальон» нарушает весь ритм стиха Атнилова. Есть такие «натяжки» и в других стихах Поэта. Всё это, конечно, не с подлинников сделано, о чём Вы и все мы сокрушаемся.

Ваша работа очень нужна, особенно теперь, когда горские евреи рассеялись по многим странам на четырёх континентах Мира! Слышала, что уже и в Австралии живёт не-

большая группа наших людей, сохраняя любовь и верность своим кавказским корням...!

(Далее Г.Б. Мусаханова делится своими размышлениями о поисках потомков человека, с которым она была знакома и неоднократно встречалась на различных литературных симпозиумах и который, возможно, забрал рукописи Мардахая) ...

...Ещё раз желаю Вам здоровья, долголетия и исполнения Ваших творческих планов!

Худо кумек Вам во всём!

С глубоким уважением,
Ваша Галина Мусаханова.
5 марта 2010,
Махачкала.

ОБЩИЕ КОРНИ – ВЫСШАЯ БЛИЗОСТЬ

Отзыв научного сотрудника Отдела иудаики и этнографии Музея Израиля д-ра Лии Микдаш-Шамаиловой на выход книги Шалума Шалумова «Легендарный Мардахай Овшолум Сибири (Сибирский), 1860-1925». Израиль, 2009 г.

На днях на одной из встреч я получила в подарок несколько замечательных книг. Среди них, сладко пьянящих ещё не выветрившимися запахами типографской краски, была одна – «Легендарный Мардахай Овшолум Сибири (Сибирский). 1860-1925».

Книгу в красивом благородном бордовом переплёте подарил мне её автор, замечательный художник Шалум Шалумов, потомок Мардахая – правдолюбца, бунтаря-одиночки, народного

заступника, поэта-классика горских евреев. Она даёт читателю возможность погрузиться в атмосферу эпохи столетней давности.

...Кто-то пошутил: у евреев, кроме библейского Моисея, никогда не было толковых поводырей. Мардахая Овшолума они не знали! Не знаю, где заканчивается вселенная, но то, что своё начало она берёт от таких людей, как Мардахай Овшолум, для меня сомнению не подлежит.

На выставке, в Музее Израиля, в типовом кавказском доме висел портрет мужчины богатырского телосложения. Он сидит на стуле в арестантской одежде, руки и ноги в цепях. Посетители часто спрашивали меня об этом седобо-

родом человеке, уже не живущем на этой земле, а как бы парящем над ней. Я передавала им рассказы, услышанные мной от дербентцев, вперемешку с собственными размышлениями о судьбе этого кавказского Робин Гуда, защищавшего общину своими мощными кулаками и писавшего для неё бередящие душу стихи.

Можно найти целый ряд всевозможных описаний жизни Мардахая Овшолума Сибири, но очень часто они грешат недостоверностью. Именно поэтому Шалум (его племянник) решил выпустить книгу и расставить все факты по своим местам.

Шалум смог приблизиться к началу начал, к фамильным истокам, без чего никакое подлинное описание той или иной личности невозможно. Он смог выстроить в ряд главные события, перебрав собранные предшествующими поколениями сюжеты о борьбе Мардахая против эксплуататоров его народа и, конечно, собрал его стихи, многие из которых уже считались народными.

Автор показывает читателям, что Мардахай Овшолум, находясь в центре общины – маленькой частицы еврейского мира, всегда чувствовал ответственность за её существование и благополучие и изыскивал возможности отстаивать её интересы. В то же время его восприимчивая душа отзывалась на народную боль поэзией, и тут проявляются две различные, но дополняющие друг друга тенденции, присущие духу Мардахая Овшолума – дух защитника и дух поэта. Благодаря Шалуму мы по-новому читаем широко известные строки:

Торжественно я, Мардахай, заявляю:
Лишения стойко я все одолею,
Вернусь, полон сил, на борьбу призову –
Народ мой правый, благослови и прости.

Мардахай Овшолум родился в Дербенте примерно в 1860 году. Жил бурной общественной жизнью (защищал бедных и обездоленных членов общины от богатых и могущественных), писал стихи. Двенадцать или пятнадцать раз был отправлен в Сибирь, откуда умудрялся совершать удачные побеги. Нашёл свою смерть (1925 г.) в нескольких каплях яда на свадьбе одного из земляков.

Автор книги Шалум Шалумов решил собрать его стихи, записанные Амалом Кукулиевым, Борисом Гавриловым, Семёном Юсуфовым, Даниилом Атниловым, и самому перевести их на русский язык. Необходимо заметить, что у разных авторов один и тот же стих записан по-разному, ничего удивительного: как народ запомнил, так и передал. Поэтому одни и те же стихи бытуют в разных вариациях. Например, у Б. Гаврилова стихотворение «Уходя, просил прощения» в переводе звучит так:

Не выбрасывай из сердца меня,
Нергюз моя, красавица жена.
Унесло меня поллой водой
В сибирские таёжные края.

А С. Юсуфов возглавил этот стих «Уходя, просил благословения»:

Не выбрасывай из сердца меня,
Красавица, любимая моя.
Унесло меня потоками воды,
Любимая, меня благослови.

Сам Шалум признаёт, что он ремеслом переводчика занимается впервые, и взялся за это только потому, что уже существующие переводы очень неудачные, не передают

душевность поэзии Мардахая, а иногда и вовсе искажают смысл. И он решил сам взяться за перевод поэзии, в которой, даже в самых драматических стихах, присутствует мягкий лиризм, искренность, нежность, поиск и обретение гармонии:

Хоть каторжанин я сейчас,
Обо мне печалиться не надо.
Надежды, помыслы, душа –
С вами, друзья мои, всегда.

В своих стихах, если Мардахай и писал о себе, то для того, чтобы стараться «через себя» понять и оценить время, которое выпало на долю его народа:

Семнадцатое июня нас всех записали
И зачитали перед строем солдатскую клятву.
Уж лучше б никогда мы тех слов не слышали.
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Богатырь Мардахай Овшолум (рост 2 метра 12 сантиметров) был очень упорным человеком во всём. Так с неизменным упорством он хотел избавить народ от нищеты, добиться для него лучшей доли:

Должен крепко усвоить лютый мой враг:
Огнём солнца пылает сердце героя.
Друзья окрыляют меня верою так,
Что ещё увидите вы Мардахая!

Обращаясь к творчеству того или иного поэта, мы размышляем о тематике и проблематике его стихов, о личности автора, его темпераменте, человеческой судьбе, ну и,

конечно, об особенностях его стилистической манеры. Но порой забываем об одной трудноуловимой вещи, которую я бы назвала «материей стиха». Это некая таинственная совокупность мелодики, ритмики, интонации, образности, строфики, звукового ряда, в которой заключается во всей её органической полноте личность поэта-бунтаря: его темперамент, его судьба, его мироощущение и миропонимание:

Пять пальцев у меня, пять отдельных пальцев,
Если сожму их – будет кулак.
Для врага мой кулак – это камень тяжёлый,
Для тебя же защитой будет, бедняк.

Язык является орудием поэта. В языке, в его словарных богатствах, в его пословицах, поговорках, присловьях, смысловых вариациях, в его звуковой многозначности спрессован весь многовековой житейский, бытовой, исторический, духовный опыт общины:

Ведь, кроме прощения, нет мужества большего.
Дороже правдивого нет слова лучшего.
И Родины слаще ничего нет на свете.
Надеюсь, вернусь я к вам, дорогие.

И Мардахай умело пользуется всеми этими богатствами, показывая себя в переломные моменты судьбы, изначально отмеченные знаком неблагополучия и беды; включает эту судьбу в конкретный исторический контекст, отслеживает влияние времени и свою связь с ними, одновременно отталкиваясь от этого времени и постоянно находясь в поисках точек опоры:

Приходите ко мне в нарядных одеждах,
Тюремная роба наводит тоску.
Всю свою жизнь просидел я по тюрьмам,
Спокойных дней не увидев мечту.

Из тюрем других, изловчившись, бывало,
Двенадцать я раз смог успешно бежать.
Меня и теперь, уверен, не сможет
В этой яме надолго никто удержать.

В каждой книге настоящего поэта для любого читателя найдётся что-то особенно «свое», то, что задевает струны именно в его душе. Плохо это или хорошо, ново или старо, как мир, – это не важно. Важно, что это – твоё:

Не ставьте мне камень на могилу,
И плачем обо мне себя не изводите.
Как пришёл ни с чем на землю эту,
Так ни с чем в могилу и кладите.

В его жизни часто происходили неожиданные повороты. Он никогда не желал приспособливаться, у него никогда не было «жажды власти», но никто не в силах был ему мешать «петь по-своему», потому что у него был свой мир, обширный, обжитый мир со своим народом. И, вдруг, в какой-то миг Мардахай решает податься в «городовые», подумав, что, находясь «во власти», ему легче помочь своему народу. Но прослужил он недолго и, разочаровавшись, ушёл с этой службы:

Я видел каменные лица.
Бездушные, как камни мостовой.
Я бы и сейчас, наверное, работал
Городовым в управе городской.

Городовым тупым на службе злу,
Имей лицо тупое я такое,
Но разум дал мне Бог служить добру,
Поэтому из полиции был выгнан вскоре.

Прошёл он японскую войну, вернулся домой в свой родной Дербент, но долго не «задержался» в городе. Он «отлучался» в Сибирь то за убийство полицейского, который надругался над вдовой, то за то, что помогал трудовому человеку отстоять своё достоинство перед произволом богачей-мироедов.

Но где бы он ни был, он всегда тосковал по родине и жаждал прикоснуться к родной земле, вымокшей в слезах матери:

Кто слышит слова мои, тот пусть услышит,
Дербент вспоминая, я горько плачу.
Всё богатство мира ничего не значит,
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Восхваление и воспевание женщины, не говоря уже о ярко выраженных социальных протестах в его поэзии, были историческим откликом поэта на «зов времени». Все стихи, написанные поэтом вдали от родины, полны скорби, страданий, тоски по родному Дербенту, по друзьям и товарищам, по его маленькой, хрупкой жене Нергюз, которой он посвящает самые нежные строки:

Я в дороге, Нергюз, я в дальней дороге,
Образ глаз твоих милых мне путь освещает.
Не плачь, Нергюз, прости, умоляю,
Что невольные беды на вас навлекаю.

Мардахай привлекал всех достоинствами, которые приобрёл сам, и прекрасными качествами, дарованными природой. Шёл наперекор царящим в обществе условностям и там, где другие отступали, боролся до победного конца. Великий прозорливец дал понять, что, покинув этот мир, он начинает свой путь в вечность:

А напоследок хочу сказать просьбу одну:
От меня передайте всем людям привет.
А ещё всем скажите: он был поэт,
Который всегда ради правды сражался.

В иудейской традиции он считался бы и судьёй, и пророком, хотя никогда официально не стоял во главе Дербентской еврейской общины и не оставил после себя никаких пророчеств, если, конечно, не считать бессмертных стихов:

...А если там с Богом увижусь, спрошу,
Почему, дав нам жизнь, не дал нам покоя.
Загоняет молодыми до срока в могилу –
Насладиться не даст нам счастья творения.

...Говорят, что в строительстве Храма каждый должен принять участие, каждый должен был захотеть, чтобы у него был свой Храм, каждому надо было приложить к этому личные усилия. И не надо понимать «Храм», как что-то материальное. Еврейский Храм – он в каждом из нас, он то, что должно объединить наш народ. Завершая рассказ о книге Шалума, могу сказать, что восстановление исторической правды о жизни, смерти и значения поэзии Мардахая Овшолума Сибири – есть несомненный вклад в богоугодное дело построения нашего общего Храма.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА ПОЭТА МАРДАХАЯ ОВШОЛУМА

Существование современной горско-еврейской литературы неразрывно связано с творчеством целой плеяды дореволюционных национальных поэтов и сказителей. Среди них, как самый мощный и горячо любимый народом, выделяется Мардахай Овшолум Сибири (1860-1925), «чьи произведения жили и живут и в устном виде в нашем народе вот уже почти 150 лет». (Г.Б. Мусаханова). Ныне живущие молодые поколения нашего разобщённого народа уже слабо помнят (и даже не знают) этого Творца. Цель моей заметки – напоминание о нашем Народном Поэте и попытка найти доказательные основания для всемерной популяризации его имени.

Начало истории появления и становления массового книгопечатания на джужьгури совпало с последними годами жизни Поэта, но это не помогло нам сберечь его творчество в полном объёме. Основные причины этого изложены в письме-отзыве литературоведа, к.ф.н., ст. научного сотрудника ИЯЛИ ДНЦ РАН Г.Б. Мусахановой на первое издание книги Шалума Шалумова «Легендарный Мардахай Овшолум Сибири», 2009 г. и её пожеланиях на второе издание этой книги «Поэт-бунтарь Мардахай Овшолум Сибири», 2013 г. В кругу дореволюционных народных поэтов Дагестана М. Овшолум выделялся своей активной жизненной позицией и положением, образованностью и популярностью. Он был не по зубам как царской администрации, так и новоявленным слугам советской власти. Подлые действия последних давали им возможность только на время затереть его светлое имя, исказить историю его жизни и смерти. Некоторые подробности этой трагедии сохранила народная

память и сообщают нам Г.Б. Мусаханова и Ш.А. Шалумов. Глубокая благодарность им за это.

Для изучающих творчество Мардахая Овшолума важен и отзыв научного сотрудника Отдела иудаики и этнографии Музея Израиля д-ра Лии Мигдаш-Шамаиловой на книги Ш. Шалумова, оценка других исследователей.

Дальнейшее изучение творчества Поэта требует научного подхода, учёта логичной последовательности изыскательского поиска, а также факта имевшегося классового конфликта интересов и борьбы идеологий, и их влияния на последовавшие трагические последствия.

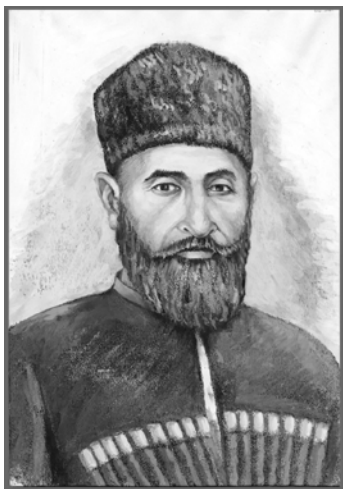
Восстановление доброго имени Поэта горских евреев послужит объединению разобщённого народа вокруг общих ценностей, укреплению его единства. В этом видится цель и направление научных поисков будущих исследований.

Давид Бахшиев
(из сайта stmegi.com)

Шалум Шалумов

**ВОЗВРАЩАЯСЬ К ИСТОКАМ... или
«ШИЛА В МЕШКЕ НЕ УТАИШЬ»**

«Для борьбы не умрёт моя вера в добро...»
Из стихотворения. Мардахая Овшолума «Благодарение».

«Среди замечательных представителей народно-песенного творчества горских евреев XIX-XX вв. выделяется Мардахай Овшолум, имя которого стало символом национально-поэтической традиции».

Манашир Якубов,
жур. "Народы Дагестана", №1, 2002 г.

«Термин «классик» действительно узаконивает роль Мардахая Овшолума в развитии новых демократических черт нашей литературы».

Из письма-отзыва лит-веда, к.ф.н., ст. науч. сотр. ИЯЛИ ДНЦ РАН
Г.Б. Мусахановой на книгу Шалума Шалумова «Легендарный
Мардахай Овшолум Сибири, 1860-1925». Израиль, 2009.

История древнего малочисленного талантливой и трудолюбивой горско-еврейского народа, как в прошлом, так и в настоящем, знает множество замечательных имён, прославившихся своими выдающимися достижениями во всех областях человеческой деятельности. Все они известны, и благодарные соотечественники отдадут им должное и без наших усилий.

А каковы достижения нашей общины в музыке, танцах, литературе, народно-прикладных и т.д. искусствах, которыми так богаты окружающие нас мусульманские народы, в тесном соседстве с которыми мы веками пребывали – это вопрос отдельный.

Мы же поговорим о впервые зародившейся в нашей общине в середине XIX века, собственно, нашей литературной культуре, о которой до сего дня нигде не упоминалось, будто бы ни её, ни её носителей никогда и не было.

Нет сомнений, что говорить о зарождении горско-еврейской литературы необходимо не с начала первых советских десятилетий XX в., как это делалось до настоящего времени, игнорируя досоветский период. О зарождении горско-еврейской литературы надо говорить, начиная с середины XIX в. Когда с возникновением письменности на основе ивритского алфавита впервые зародилась и получила своё успешное развитие и горско-еврейская литература, творцами которой были наши замечательные Первые Поэты – Мардахай Овшолум Сибири (1860-1925), Шоул Симанду (1856-1939), Айболо из Тарки (даты жизни и смерти не известны) и другие.

Творчество этих поэтов должно было быть базой, фундаментом, отправной точкой для всего последующего развития нашей литературы. Однако с наступлением советской власти в Дербенте первые коммунистические лидеры горских евреев зачеркнули, предали забвению все достижения наших основоположников.

Почему они так поступили? Может быть, потому, что так поступили другие дагестанские народности?

Вовсе нет! Наоборот! Все окружающие нас дагестанские народности, как и другие малые народы Советского Союза, бережно отнеслись к творческому наследию своих основоположников и, сохранив истоки национальных куль-

тур, назвали их имена. А лидеры горских евреев этого не сделали. Почему? Должны же быть какие-то причины! А если были причины, то какими они должны быть вескими, чтобы можно было так опустить культуру своего народа и обезличить её среди других?

* * *

Достоверно известно, что свои произведения наши первые поэты творили на тюркско-азербайджанском языке (языке межнационального общения того времени) и на джуури – родном языке горских евреев. А записывали их древнееврейским алфавитом, что доподлинно подтверждается сохранившимися записями стихов Шоула Симанду, так как в те времена никакой другой, кроме религиозной письменности, ни у нас, ни у других народностей Дагестана не было.

Советская власть за короткое время дважды поменяла наш алфавит: в 1929 г. древнееврейский заменила латиницей, а в 1938 г. латиницу – кириллицей. Такие же коррективы были внесены и в графику письма всех окружающих нас соседних мусульманских народов. В 20-30 годы у горских евреев, как и у всех народов Дагестана, начинают стремительно развиваться национальная литература и журналистика. Надо отдать должное советской власти, которая бросила огромные силы на ликвидацию безграмотности и одним из своих приоритетов сделала просвещение и образование.

С 1928 года начала выходить газета «Захъметкеш» («Труженик») на горско-еврейском языке и издаваться разнообразная литература. Но ни на страницах этой газеты, ни в первом обширном советском издании горско-еврейской антологии «Шогъиргъой тати» («Татские поэты»), вышедшей в 1934 г. под редакцией Первого главного революцион-

ного лидера и идеолога горских евреев при новой советской власти в г. Дербенте Ехиила Мататова, ни Мардахая Овшолуму, ни Шоулу Симанду, ни Айболо из Тарки места не нашлось. Как писала Г. Мусаханова в своём письме-отзыве на книгу Ш. Шалумова «Легендарный Мардахай Овшолум Сибири»: «...нашим поэтам была посвящена лишь одна фраза, вычеркнувшая их из рядов советских литераторов и отнёсшая к фольклору».

Понятно, что поначалу неоднократные изменения график письма принесли огромные проблемы. Но, чтобы издать произведения народных классиков, их предлагалось предварительно переписать новым алфавитом, как и поступили все дагестанские народы. Они сохранили культурное наследие своих предков и называли имена поэтов-классиков национальных литератур: даргинца Батырая Омарова (1831-1910), кумыка Ирчи Казака (1830-1879), аварца Махмуда из Кахаброссо (1873-1910), лачки Шаза из Куркли (1875-1939), лезгина Етима Эмина (1838-1898) и др., ставших затем признанными классиками литературы Дагестана и основоположниками поэтической культуры своих народов. Их именами называли улицы городов, предприятий, учреждений, областных районов и т.д., творчество их и по сей день изучают в учебных заведениях Дагестана. А наши лидеры, во главе с Е. Мататовым, этого не сделали. Поэтому не менее талантливые горско-еврейские поэты сиротливо выпали из обоймы народных поэтов Дагестана.

Какие основания могли быть у Е. Мататова, осуществлявшего руководство и контроль за коммунистической «кошерностью» всей горско-еврейской литературы, позволившие ему так умалить значение своей общины и отказаться от наследия наших поэтов, являвшегося несомненным народным достоянием? Может, причина и вправду была в том, что он в предисловии своей антологии поэзию

наших поэтов, как ашугскую, отнёс к фольклору? Но почему-то ашугская поэзия поэтов других народностей Дагестана не помешала им стать основоположниками своих литератур. А если причина была в простой занятости или другой невозможности переписать произведения наших поэтов новым алфавитом, как того требовалось при перемене алфавитов, ведь это были времена сложные, занятые, свершений новых грандиозных дел?! Однако у соседних народов таких же дел было не менее, но они нашли для увековечивания своей досоветской литературы и время, и терпение, и финансирование. Или иудейская община была настолько самодостаточна, в отличие от соседних, что смогла (по каким-то неизвестным нам причинам) поступиться своими культурологическими достижениями без какого-либо ущерба для себя? Или наш лидер вынужден был отказаться от поэзии первых поэтов ввиду их низкого качества? Такая постановка вопроса излишне и поэтому просто не состоятельна.

А может дореволюционная поэзия горско-еврейских поэтов, записанная ими ивритским алфавитом, отличалась еврейским колоритом и не вписывалась в издания, где печатались «татские» советские писатели? Тогда почему досоветские поэты других народностей, точно также писавшие свои произведения арабским (то есть религиозным) алфавитом, также отличавшиеся своим национальным (или религиозным) колоритом, прекрасно вписывались в печатаемые ими советские издания?

Неуместна здесь и возможная ссылка на «особость» иудейского выживания в мусульманском окружении в связи с чрезмерным антисемитизмом в отношении горских евреев в советское время. Хотя традиционный антисемитизм, как вечный спутник каждого еврея, всегда будет идти рядом с ним, но курс на интернационализацию, взятый советской властью в многонациональном Дагестане, практически

устранил тот официальный государственный антисемитизм для горских евреев, который процветал в отношении ашкеназов по всей России. Здесь было всё иначе. Если в царское время численность нашей общины, подвергавшаяся гонениям, насильственным ассимиляциям, в том числе и физическому истреблению, всё более убывала, то в годы советской власти, наоборот, всё более увеличивалась. Как нечто само собой разумеющееся: составляя 20 % населения Дербента, более чем большинство самых важных командных постов города всегда занимали горские евреи. Являясь одним из 5-ти литературных языков и одним из 10-ти древнейших коренных народностей Дагестана, в отличие от ашкеназов, которые ни в одном регионе СССР не могли считаться коренным народом, мы, как носители иудейской религии, не только не подвергались каким-то ограничениям, наоборот, могли даже пользоваться привилегиями представителей малого народа.

Горско-еврейская община, как одна из равных, практически ничем не отличалась от других дагестанских общин. Никаких трений, препятствий, запретов со стороны новых советских властей в отношении горских евреев, могущие вынудить, заставить её лидеров вырезать и выбросить из истории нашей культуры весомую её часть, не было и быть не могло, даже, если в разные периоды существования этой власти, накал антисемитизма в стране мог меняться в ту или иную сторону.

Ни одна из выше предполагаемых причин не даёт ответа на поставленный вопрос.

Может быть, вопрос заключался в нетерпимости к личности Мардахая в связи с его защитительной деятельностью? Не секрет, что клановая месть, бытующая и в нашей общине, настолько же огромна, насколько и доминантна во

всех проявлениях семейной, социальной и общественной жизни горских евреев, и пока её ещё никто не отменял.

Факт остаётся фактом: Е. Мататов, в отличие от лидеров других дагестанских народов, не захотел продолжения и развития дореволюционной литературы. Он и его команда создавали свою новую литературу, ориентированную на внедрение концепции «татизма» в иудейское самосознание горских евреев, с тем, чтобы основоположниками литературы затем также назвать самих себя, что впоследствии и было озвучено его последователем Х. Авшалумовым в статье «Самое большое достояние народа – язык матери»: «...Ехиил Мататов был главным советским и партийным работником, а также одним из первых наших поэтов».

Для реализации концепции, ставшей приоритетной в нововведениях этих лидеров, им необходимо было прежде всего переделать историю происхождения горских евреев. Взяв на вооружение идею бытовавшего тогда лженаучного вывода о том, что мы не евреи, а таты, принявшие иудаизм, они могли ради продвижения этой идеи принести в жертву, в том числе, и нашу литературу вместе с именами её основоположников. Ради того, чтобы в будущую историю нашего народа не перешло из прошлого ничего еврейского, созданного древнееврейским алфавитом, для того, чтобы, лишив наш народ иудейских корней, увековечить за нами мусульманское происхождение.

Но насколько могло творчество первых поэтов быть помехой их видению задач построения новой жизни для горских евреев, в которой не было места иудейскому происхождению нашей общины? Если и могло быть, то только лишь косвенной.

А насколько сама «татизация» и ивритская графика письма наших поэтов могли повлечь за собой изъятие досоветской литературы из истории нашей общины возможно

ответить только с учётом понимания взаимоотношений между защитником народа Мардахаем Овшалумом и авторами «татизиции», то есть власть предрежащими того времени...

И всё же, игнорируя успешно зачинавшуюся горско-еврейскую литературу, они создавали свою. И, как писала к.ф.н. Г.Б. Мусаханова в своём письме-отзыве: «заменили высокую поэзию наших Поэтов на конъюнктурную поэзию политических агиток и призывов»

Естественно, можно возразить, что это было велением новой, всё сокрушающей на своём пути, антисемитской коммунистической идеологией, или: «татизация» горских евреев якобы была необходима для их физического сохранения.

Именно так продолжают утверждать и сегодняшние защитники фальсификаторов. Их, как ни парадоксально, к сожалению, немало даже здесь, в Израиле.

И хотя антисемитизм властей существовал всегда, однако не секрет, что нанося удары по самим носителям иудаизма, официальная советская власть никогда не покушалась на иудейское происхождение горско-еврейского или какого-либо другого еврейского субэтнуса. Как яркую иллюстрацию отношения советской власти, в том числе и к нашей горско-еврейской идентичности, можно привести цитату из книги И. Сталина: «Марксизм и национальный вопрос» (М., 1946 г., стр. 12-19), где он говорит о том, что различные еврейские общины в силу превратностей истории «...разобщены и живут на разных территориях, говорят на разных языках и т.д. Таковы, например, русские, галицийские, американские, грузинские и горские евреи... упомянутые евреи, без сомнения, живут общей экономической и политической жизнью с грузинами, дагестанцами, русскими и американцами в общей с ними культурной атмосфере; это не

может не накладывать на их национальный характер печати; если что осталось у них общего, так это религия, общее происхождение и некоторые остатки национального характера».

В своё время на основе капитальных исследований о признании нас горскими евреями также окончательную точку поставил такой корифей науки, как, одно время возглавлявший Институт Этнографии Академии наук СССР, академик Ю.В. Бромлей. Наоборот, это наши лидеры отставали перед властями право переименовать горских евреев в татов. «Татизация» была инициативой тех, кто стремился, прежде всего, скрыться от своего личного иудейского происхождения под сомнительными лозунгами «радения за благо народа». Увы! Ещё при И. Сталине над евреями СССР, в том числе и над горскими евреями, нависла угроза депортации на Дальний Восток. И депортировать нас собирались не как татов, и даже не как горских евреев, а просто как евреев. Только смерть злодея (1953 г.) помешала осуществлению отправки нас в подготовленные в Хабаровской тайге лагеря.

Однако, манипулируя целым народом, в большинстве своём безграмотным и простодушным, лидеры общины нас неоднократно «переименовывали». То мы – таты, то мы – горские евреи, то опять – таты и так далее. Простые люди не нуждались в своей личной деиудаизации, просто не было необходимости в этом. Неужели, переименовав себя «татом», мусульманский сосед переставал считать того джухьудом, то есть, евреем? Горскому еврею, с его более чем 2-тысячелетним еврейским самосознанием, прошедшему за свою древнюю историю через тяжелейшие испытания, гонения и насильственные ассимиляции, сумевшему сохраниться в мусульманском мире как еврейский этнос, теперь предлагалось забыть то, что является его определением пе-

ред Б-гом – его веру: стержневую основу еврейства, свою личную самоидентификацию. Забыть особенности своего языка, культуры, свои традиции – весь уклад жизни.

Такие манипуляции приносили свои результаты. То, что не смогли за тысячелетия сделать гонители еврейства, смогли за считанные годы сделать лидеры горских евреев. Определённая, слабая духом часть народа, в создаваемой психологической атмосфере на фоне всеобщего антисемитизма, стала терять уважение к своей национальной самоидентификации, стала чураться родного языка и старалась скрыться от своего еврейства. С лёгкостью обрывая связи с древними еврейскими корнями, чего у горского еврея ранее не наблюдалось за всю историю своего существования, они теперь без какой-либо угрозы для жизни стали записываться татами, татарами, лезгинами или азербайджанцами, чтобы стать незаметными, как им казалось, среди представителей других народов СССР, и сами превращались в антисемитов.

И в результате уже в 1959 (!) году по переписи населения народов СССР видно, что 24,6 % горских евреев, т.е. – четверть всего нашего этноса, считают своим родным языком русский. И происходило это вовсе не за счёт тогдашней дани моде, как утверждают иные. А теперь, учитывая реалии сегодняшней интеграции малого народа в больший, эти процессы, естественно, получили ускорение благодаря тогдашних бесконечных «татизаций» народа, потерявшего чувство национального самосохранения в надежде на приобретение навязываемых иллюзорных преимуществ и безопасного существования в антисемитском мире.

Известно, что не менее антисемитскими были времена и в эпоху наших первых поэтов.

Но если коммунистические лидеры горских евреев, прогибаясь под власть, тыча в горячечном революционном угаре в лица своих соотечественников «революционным

наганом», ломая судьбы и отнимая жизни у своих сородичей, отрабатывали себе карьеры и благополучия, то поэт-бунтарь Мардахай Овшолум Сибири, бесстрашно выступая со своей гражданской поэзией и своими героическими деяниями на благо тех же сородичей против власти царя и его режима, претерпевал гонения и мучения и в 1925 году погибает от рук недруга, представителя этого режима, затаившего на него злобу со времён царизма...

Возможно, кто-то посчитает «излишним смакованием» такие подробные рассуждения о фальсификациях истории происхождения горских евреев для нашей темы. Но ведь ничего не закончилось. Прошлые деяния фальсификаторов тянут за собой череду пагубных для нашего народа последствий. Бациллы пренебрежения к своей самоидентификации в сознании народа настолько живучи, а сегодня приняли такой масштаб, что поставили нашу древнюю общину перед опасностью окончательного исчезновения как горско-еврейский этнос. Даже в такие невиданно благоприятные для всего еврейства времена по последней переписи населения 2010 года на территории России только 762 человека назвали себя горскими евреями! Горские евреи проживают во многих регионах мира. Где-то их проживает много, где-то – меньше. Но именоваться татами захотелось только лидерам горских евреев Дербента, откуда эта бацилла не замедлила распространиться по всему нашему этносу.

И вдруг, ошеломляющая новость!

Когда писались последние строки данной статьи, конец свистопляске с унижительной «татизацией» горских евреев положил, наконец, глава администрации города Дербента Имам Музамудинович Яралиев – лезгин по национальности и мусульманин по вероисповедованию! Он подписал Постановление №116 от 28 марта 2013 г., в котором в том числе объявил:

«Учитывая исторические факты и самоидентификацию абсолютного большинства жителей городского округа «город Дербент» иудейского вероисповедания не как таты-иудеи, а как горские евреи, а также в целях восстановления правильного лингвистического наименования горских евреев, постановляю:

1. В официальной документальной терминологии городского округа «город Дербент» использовать только наименование «горские евреи» вместо использовавшегося ранее «таты» ...

Но, к сожалению, даже несмотря на этот мужественный поступок человека, имя которого с благодарностью будут помнить в нашей общине (речь здесь не о правовом аспекте этого документа), последствия пагубной деятельности «татизаторов» нашей общины на этом вряд ли прекратятся в народе, уже вкусившего от запретного плода, навязанного им «избавления» от антисемитизма. А в России процесс «татизации», судя по статистике последней переписи населения 2010 года, получил очередное дыхание, и этот процесс, как видно, истребить уже вряд ли возможно.

* * *

В результате такой деятельности наших лидеров из творческого наследия Айболо из Тарки на сегодня ничего, кроме имени, не сохранилось и нет никакой возможности что-либо сказать о его поэзии. Из творческого наследия Шоуля Симанду сохранились только несколько стихов. Книга Александра Семендуева «Звезда моя», изданная в Тель-Авиве в 2001г., посвящена, в том числе и творчеству его отца Шоуля Симанду. На стр.28-29 автор наглядно показывает, как беззастенчиво лидеры нашего писательского

цеха планомерно, раз за разом изымают подлинники стихов у родных поэта: «...каждый раз у них находились причины, чтобы не издать стихи и не вернуть подлинники». Или: «...записная книга с толстым переплётом исчезла из отцовского дома, конечно, не без участия злых невежественных людей, которые могут перекопать всю землю, чтобы вместо роз посадить чертополох», и т. д.

Не сохранилось ни одной рукописи и у Мардахая Овшолума. Их у потомков Мардахая в двух пухлых тетрадах забрал в 1939г. некий (якобы?) гость из Москвы, назвавшийся столичным писателем, который пообещал опубликовать его стихи и сделать кинофильм о нём. Забрал и навсегда исчез вместе с ними.

Что же вынудило столичного писателя на такой неблагоприятный для учёного-собирателя поступок, если, конечно, он таковым был? Нагрянувшая вскоре война? Стечение обстоятельств? Перипетии жизни? А может и здесь необходимы какие-то параллели с сохранностью стихов Шоула Симанду? Может, (что, скорее всего!) заинтересованные лица в Дербенте склонили его на вышеупомянутую «посадку чертополоха», и это злой умысел? Действительно, если загадочный посетитель и вправду был столичным писателем, то кто-то же привёл его к родным поэта и «помог» им доверить рукописи Мардахая чужому человеку? Вопросов много, а ответы, скорее всего, рядом с пропавшими стихами Шоула Симанду.

Однако, как говорил в своём знаменитом романе Михаил Булгаков: «Рукописи не горят». И рукописи Мардахая не сгорели. Они были записаны изустно в разное время восторженными почитателями его творчества известными горско-еврейскими поэтами и писателями разных поколений: Д. Атниловым, С. Юсуфовым, Б. Гавриловым. Поэт, прозаик и собиратель Амалдан Кукуллу (1935 – 2000), объединив

всё это вместе с произведениями, записанными им самим в Дербенте с уст людей, ещё помнивших Мардахая в 1965 году, обозначил основной корпус произведений Мардахая Овшолума, сохранив их для потомков. Казалось бы, записывали стихи поэта-бунтаря, судя по их же воспоминаниям, и Хизгил Авшалумов, и Миши Бахшиев, и Манувах Дадашев, и Юно Семёнов, и Сергей Изгияев, но эти стихи в печати так и не появились...

Конечно, можно предположить, что дошедшие до нас стихи в сравнении с оригиналом претерпели большие изменения. Но все записанные по памяти стихи имеют определённый единый почерк, отличаются своей адресностью и, как в истинных поэтических произведениях, в них присутствует личность автора. И главное: отличительная суть произведений Мардахая – это их ярко выраженный социальный протест против существующего строя, его бесстрашная гражданская позиция, ставившая под угрозу саму жизнь мятежного автора, чего ни у одного из наших литераторов ни в прошлом, ни в настоящем не наблюдалось.

Во времена моей молодости (60-70-е годы) в Дербенте, пожалуй, мало было людей, которым не было известно имя легендарного поэта-бунтаря Мардахая Овшолума Сибири, кто не слышал бы увлекательных историй из жизни защитника народа – Дербентского Робин Гуда. Кто не слышал бы о его умении увлекательно рассказывать свои бесконечные сказки, кто не восхищался бы его короткими меткими словами, интересными пословицами, и, конечно, кто не слышал бы о его замечательных стихах-песнях.

Однако, как мы уже говорили, горско-еврейская досоветская литература, вместе с творчеством его основателей, была отвергнута первым горско-еврейским главным идеологом советской власти в г. Дербенте Е. Мататовым. Одним из главных его последователей, бессменным до конца суще-

ствования советской власти, был Хизгил Авшалумов. Будучи изначально верным и последовательным сторонником Е. Мататова, а затем одним из главных отрицателей нашего иудейского происхождения, он в 70-х годах XX века окончательно на законодательном уровне завершил работу по «татизации» нашей общины, конечно, как заметила Г. Мусаханова: «не без молчаливого одобрения Правительства Дагестана».

Должно быть, это обстоятельство, в ряду причинно-следственных связей, вряд ли могло его подвинуть на публикацию собранного им материала по творчеству Мардахая Овшолума, хотя бы в том объёме, в котором это сделал в 1947 году Даниил Атнилов.

Вызывает много вопросов позиция Х. Авшалумова, проявившаяся ещё при издании им в 1940г. книги «Фольклор тати» Институтом ИЯЛИ ДНЦ АН СССР, где он тогда работал научным сотрудником. Хотя в самом конце досоветского раздела этой книги он всё же поместил 15 четверостиший Мардахая Овшолума, одного из основоположников горско-еврейской поэзии, однако в обширном предисловии, где идёт полная информация обо всех авторах сборника, о Мардахаяе он никакую информацию не даёт. Очевидно, будучи народный писатель Дагестана, будучи реалистом, не может пройти мимо творчества поэта-бунтаря и всё же, перешагнув запрет Е. Мататова, робко публикует его стихи в своей книге, но до конца дело почему-то не доводит. С такой неопределённостью Х. Авшалумов не поступает ни с одним другим автором, а только с Мардахаяем Овшолумом.

В чём тут дело? К этому времени он уже не был зависим от Е. Мататова, арестованного в 1938г. Так что же ограничило смелые намерения молодого успешного писателя-исследователя? В самом деле, если он так поступает, то видимо какие-то причины у него всё-таки были?

И как результат, этой публикацией поэтической судьбе Мардахая Овшолума Сибири с этого времени был вынесен окончательный приговор.

Действительно, в дальнейшем произведения Мардахая, но теперь якобы под причиной негласно определённые под запрет советской властью, не печатали ни в одном печатном издании. Х. Авшалумов на просьбы родственников и поклонников поэзии Мардахая опубликовать его произведения всегда объяснял этот запрет тем, что он опасается «гнева» советской власти, которая якобы считает народного поэта «бандитом». Не увенчались успехом и двукратная попытка А. Кукуллу опубликовать сборник стихов Мардахая на джуури – языке горских евреев. Но, в виду большой популярности поэта-бунтаря в народе, не печатать его вовсе было невозможно, поэтому, хотя и изредка, появлялись публикации о героических деяниях Дербентского Робин Гуда.

Но с чего бы советской власти считать народного поэта, деятельность которого отвечала всем критериям этой власти, своим врагом? И если уж публикации о героических деяниях Мардахая, могущие ещё как-то юридически быть расценены как «бандитские» (ведь наш защитник народа, говоря современным языком, занимался рэкето), всё же беспрепятственно появлялись в печати, то каким образом Х. Авшалумов нашёл проявления «бандитизма» в его стихах? Если Мардахая советская власть действительно считала «бандитом», то цензура относилась бы на всю его деятельность: и на поэтическую, и на защитительную. То есть, цензура не позволила бы о нём публиковать вообще ничего.

А как, в таком случае, понять, что горско-еврейский поэт Даниил Атнилов, напечатавший в 1947г. в своём сборнике стихов «Шогьиргьой тати» пять произведений Мардахая, никакими репрессиями со стороны властей подвергнут

не был? Примечательно, что он, являясь жителем Москвы, издал свою книгу в Махачкале именно (вряд ли это совпадение) в отсутствие нашего лидера, ушедшего на фронт в 1941г. (Х. Авшалумов вернулся в Дербент в 1953г.).

И Кази Казиев, главный редактор лезгинской газеты «Коммунист», почему-то позволяет себе в 60-е годы прошлого столетия в своей повести о лезгинском народном герое Кири Буба с большой теплотой рассказать и о горско-еврейском «герое-борце Мардахае Овшолуме - большом друге лезгин». Значит, для лезгинской газеты «Коммунист» и для москвича Д. Атнилова Мардахай чист перед советской властью, а Х. Авшалумова эта же власть уполномочивает объявлять Мардахая «бандитом», но только для горских евреев, и только для проживающих в г. Дербенте. В общем, всё так же, как и с «татизацией». Возможно ли такое?

Шоула Симанду и Айболо из Тарки никто «бандитами» не объявлял, но их постигла та же участь: если о Мардахае Овшолуме хоть что-то публиковали, то о них самих вообще ничего не писали. В книге «Звезда моя» на стр.10 Александр Семендуев отмечает, что поэзию его отца Шоула Симанду, как правило, отказывались публиковать по причине того, что они якобы «полны вредной религиозной мистики». Здесь речь идёт о 60-70-х годах.

В этой связи представляют определённый интерес запоздалые сожаления Х. Авшалумова, помещённые А. Семендуевым в предисловие своего сборника «Дэврме» - «Моё время» (Махачкала, 1991г., стр.6): «...несмотря на то, что Шоул Симанду был очень авторитетным и известным поэтом среди нашего народа, до сих пор его произведения не печатались. Ни по поводу самого достойнейшего человека, ни о его поэзии нигде, хотя бы немного, не написано до сих пор. К сожалению, поэзия его в своё время не была полностью записана, собрана и сохранена, многие его стихи

пропали...». Так писал Хизгил Авшалумов, но уже в 90-х после перестроечных годах.

Что здесь можно сказать? Один - «бандит, другой - «религиозный мистик»...

Остаётся только напомнить, что никакого другого цензора, кто бы мог разрешить или запретить публикацию произведений горско-еврейских литераторов во времена советской власти, кроме него самого, не было.

* * *

До сих пор поэзия Мардахая практически никогда не публиковалась, кроме 15-ти четверостиший, опубликованных в 1940 году Х. Авшалумовым в «Фольклоре тати» и 5-ти стихотворений, опубликованных Д. Атниловым в 1947 году.

Впервые, после крушения СССР, в 1995 году в Москве выходит в свет книга поэта-прозаика Амалдана Кукуллу (Амала Даниловича Кукулиева) «Мардахай Овшолум – песни, стихи, хвалы, эпитафии». В ней автор впервые публикует полный объём всего собранного и изустно записанного в разное время известными горско-еврейскими писателями, а также и им самим, произведений Мардахая, в том числе десять пословиц и поговорок, связанных с именем поэта, и одну горско-еврейскую народную сказку «Справедливый Мардахай». Но самым сенсационным в этой книге оказалось то, что Амалдан не только вновь напоминает своим соотечественникам о факте убийства(!) поэта-защитника, но он впервые делает это в прессе! Так же впервые в прессе он называет Мардахая «классиком и родоначальником горско-еврейской литературы»!

Амалдан Кукуллу видимо и предположить не мог, что словом «отравлен» вызовет такой переполох у двоих писа-

телей - Хизгила Авшалумова и Михаила Дадашева! Эти откровения его, как гром среди ясного неба, настолько встревожили их, что тут же в ответ на эту книгу вначале появляется обширный очерк Х. Авшалумова «Поэт-бунтарь Мардахай Овшолум Сибири». (Дербент, газета «Ватан», №№ 98-104, 1995г.), а затем, через 12 лет, в ответ на одноимённую статью в Кавказской газете появляется и очерк М. Дадашева «Нет, я не умер, я – живой». (Израиль, альманах «Мирвори», №3, 2007г.).

Для непосвящённого читателя – это великолепные очерки и ничего, кроме благодарности к памяти выдающего соплеменника, вызывать они, казалось бы, не могут. Но это в том случае, если бы читатель не знал о причинах, по которым эти писатели были вынуждены в спешном порядке опубликовать свои статьи.

За всю свою долгую творческую жизнь эти писатели никогда ранее не написали ни одной строчки о своём легендарном соотечественнике. Даже во времена его громадной популярности в народе. Как ничего не написали ни о Шоуле Симанду, ни об Айболо из Тарки, будто бы они и не знали о существовании Первых Поэтов.

«Возможно, целью этих авторов действительно было, – как заметила в своём письме-отзыве Г.Б. Мусаханова, – «застолбить» свои имена в ряду первых исследователей жизни знаменитого классика, а не показать поэзию Мардахая во всю мощь». Несомненно – и это тоже.

Однако в 1995 году задача старейшего, тогда 82-х летнего, писателя Х. Авшалумова (1913-2001), отягощённого к тому времени всё более нарастающими последствиями результатов своей «татизации горских евреев, состояла не в том, чтобы возродить былую популярность Мардахая Овшолума в народе, тем более увековечить его поэзию, а в

том, чтобы прежде всего увести непосвящённого читателя от действительной причины его смерти.

Амалдан Кукулиев пишет, что в 1990 году он посетил в Махачкале Х. Авшалумова, (впрочем, тогда же он посетил и Г.Б. Мусаханову...), о чём он рассказывал при встречах и автору этих строк. Амалдан ознакомил лидера горско-еврейской писательской организации с текстом своей будущей книги о Марадахае Овшолуме, где впервые называет его «поэтом-классиком» и «родоначальником горско-еврейской литературы» и собирается впервые в печати конкретно озвучить причину смерти народного защитника: «отравлен недоброжелателем». Отравлен, значит, существует отравитель-убийца! И, естественно, посетовал о своих тщетных попытках опубликовать стихи Мардахая Овшолума.

Всё это, конечно, Х. Авшалумова не устроило. Однако, видимо, вполне и успокоило. Он видит, что А. Кукулиев до сих пор ничего не смог сделать с собранным ещё в 1965 году в Дербенте материалом, то ничего все эти годы не предпринимает и сам. Но как только узнаёт, что Амалдан, наконец, в 1995 году всё же опубликовал свою «самиздатовскую» книгу, как в ответ на неё, в том же 1995 году, Х. Авшалумов, в надежде на свой непререкаемый авторитет, спешно публикует свою статью, но уже в официальном издании. Необходимо было немедленно опровергнуть все определения Амалдана, особенно по части смерти Мардахая, пока они не утвердились в сознании читателя и снова не всплыло имя убийцы. Ведь к тому времени не только факт убийства, но и имя самого Дербентского Робин Гуда, благодаря их стараниям, уже мало кто, особенно из молодого поколения, помнил или знал вообще.

Х. Авшалумов в своей статье утверждает, что богатырь Мардахай умер, сломленный многочисленными недугами, нажитыми на царской каторге. Он об этом пишет та-

ким тоном, будто бы именно он присутствовал при последнем вздохе Мардахая, а не его родственники и весь честной народ – гости горско-еврейской свадьбы, на которой в 1925 году народный кумир, как всегда тамадой веселивший гостей, был отравлен недругом, затаившим на него злобу ещё с царских времён. Хотя имя убийцы мгновенно распространилось в народе, он проигнорировал всем известный факт, видимо, в расчёте на ослабевающую за давностью лет человеческую память. В своём очерке он заявляет, что Мардахай Овшолум умер от болезней, нажитых на сибирской каторге, стараясь отместить даже саму мысль о чьей-либо виновности в смерти Мардахая. Какая-то причина должна была вынудить уважаемого лидера писательской организации горских евреев к такой неправде? А если значительное место этой статьи он уделяет непомерной хвале достоинств миллионера, никакого отношения к повествованию о Мардахае Овшолуме не имеющему, то для чего-то он вообще вводит туда эту персону?

Далее. Давая подробную оценку стихам Мардахая, ни один из них почему-то не опубликовал их в своих статьях, хотя бы для того, чтобы дать читателю возможность соучастия в этой оценке. А ведь они оба прекрасно знали поэзию Мардахая и имели её в своих архивах. Помнится, как на одной из встреч в 1987 году А. Кукуллу, готовивший к изданию книгу о Мардахае, мечтательно говорил автору этих строк: «Даст Бог, мы объединимся с Михаилом Дадашевым, у него много материала есть, и выпустим одну большую книгу о Мардахае...». А Г. Мусаханова вспоминала: «Х. Авшалумов знал все его (Мардахая) произведения наизусть, в чём я убедилась в середине 70-х годов у него дома, когда он весь вечер с большим вдохновением декламировал их мне».

Х. Авшалумов в своём очерке подчёркивал, «что сам собирал и записывал стихи Мардахая». И, отдавая должное поэзии поэта-бунтаря, пишет, что: «...по его песням мы видим безусловный талант поэта-песенника», что «...песни, которые писал Мардахай Овшолум, были как народные»; говорит о громадной популярности, как самой личности народного защитника, так и особое внимание уделяет всеместной популярности его поэзии в народе. «Я помню, - пишет он, - ещё в 30-е мои молодые годы, куда бы я не ходил: на свадьбу, в гости, в места общения людей - как старшие, так и молодые люди в Дербенте с воодушевлением читали стихи-песни Мардахая Овшолума. Люди постарше, прочитав его песни, давали пояснения, рассказывали молодым людям о жизненных перипетиях Мардахая, какой он герой народа, как он любил бедных людей, как те гордились Мардахаем». И добавляет: «Жаль, ни один наш композитор ни разу не обратился к его песням и не написал музыку к ним. Ни один из наших драматургов ни одной пьесы не написал о его жизни».

Понятно - это действительно справедливая оценка творчества Мардахая Овшолума.

Непонятно другое: а где он был сам? К чему вся эта лирика с откровенным цинизмом? Не он ли со своим лидерским положением должен был быть главным лицом недопущения всех теперешних его сожалений в отношении сохранения истоков горско-еврейской литературы, если, конечно, действительно сожалел, и был заинтересован в сохранении популярности поэзии и имён зачинателей горско-еврейской литературы? Если это и в правду не лукавство, то о какой музыке на песни и о каких пьесах о жизни Мардахая он говорит, когда из-за объявления якобы советской властью поэта-защитника «бандитом» личной цензурой Х. Авшалумова и его компании были перекрыты все пути-

дороги Мардахаю-поэту. Из предыдущих строк читатель помнит, что практически все известные поэты и писатели (судя по их личным воспоминаниям) изустно собирали и записывали их, естественно для того, чтобы опубликовать и сохранить для потомков. Но если эти писатели не смогли их опубликовать, то понятно, что они этого не смогли сделать по причине установления жёсткой цензуры на поэзию Мардахая.

Многоопытный Х. Авшалумов, невольно спровоцированный на ответ публикацией А. Кукуллу, прежде всего пытался продемонстрировать свою лояльность к Мардахаю Овшолуму. Он даёт достойную оценку его творчеству. По другому это сделать народному писателю Дагестана и уважающему себя профессионалу было бы и не солидно, и не правильно. Да и давно назревшее справедливое отношение к творчеству поэта должно было быть наглядно им продемонстрировано, если уже взялся за эту тему. Кроме того, он, прекрасно понимая значимость своей оценки, и без опаски давая её, предполагает, однако, что раз уж «поезд давно ушёл», то теперь никто с его оценкой в пользу Мардахая предпринять не сможет. Но всё же, на всякий случай, резко разворачивает свои рассуждения и разбавляет эту высокую оценку сомнительной ложечкой дёгтя, заявляя, что «эти песни свои он (Мардахай) писал только в Сибири...и больше он песен не писал – ни до высылки в Сибирь, ни после возвращения из Сибири», и тут же в следующей строке он, (литератор, современник Мардахая!), продолжает: «Но полностью покончить с этим сомнением, выяснить настоящее положение дел, думаю, очень сложно». Что он этим хотел сказать, для чего нужно было вводить читателя в сомнение, теперь это не столь уж и важно. Важно то, что могущие возникнуть сомнения на этот счёт тут же отменяются, хотя бы стихотворением: «Письмо из царской армии домой», ко-

торое по устной народной памяти в разное время каждый в отдельности записали и сохранили уважаемые горско-еврейские писатели С. Юсуфов и Б. Гаврилов. Оно написано Мардахаем во время нахождения на русско-японской войне после возвращения из Сибири. А стихотворение «Каменные лица», записанное из уст народа А. Кукуллу в 1965 году, написано поэтом во время службы чаушем – городовым в Дербентской жандармерии ещё задолго до высылки его в Сибирь. И таких примеров много!

Насколько правомочно такое сомнение в отношении поэта, восприимчивая душа и горячее сердце которого отзывалась на народную боль поэзией не иначе, как в тандеме дополняющих друг друга составляющих – духа защитника и духа поэта? Эти два воедино переплетающиеся вида деятельности были основой его существования на протяжении всей его активной жизни. И вообще, не бывает так: «там писал, а тут не писал». Творческая личность, подобная Мардахая, существовать без творчества не может! А многие прекрасные хвалы и эпиграммы разве не раздумья поэта о прожитой жизни, которые могли быть написаны им уже во времена советской власти, в том числе и в самом Дербенте?

Так что всё-таки помешало Х. Авшалумову, продолжавшему оставаться лидером писательской организации горских евреев, хотя бы теперь, после крушения советской власти, опубликовать произведения Мардахая, когда, казалось бы, уже нет никаких препятствий со стороны этой власти. Он прекрасно понимал, что за давностью лет такого объема произведений, как сохранилось у него, больше ни у кого нет, и если не опубликовать их сейчас, то они будут навсегда утрачены. Но он всё-таки стихи поэта не опубликовал, и судьба его архива со стихами Мардахая не известна.

...Проходит 12 лет после издания А. Кукуллу своей книги. В 2007 г. в издательстве «Мирвори» «Кавказская газета» в Израиле публикует статью о Мардахаяе Овшолуме по следам книги Амалдана Кукуллу с теми же определениями героя-поэта. Теперь точно так же поступает и М. Дадашев. В том же издательстве в альманахе «Мирвори» за тот же 2007 г. он в ответ на эту статью тут же немедленно публикует и свой очерк, в котором, как под копирку повторяет все суждения Х. Авшалумова.

При всей общности их «интересов» в отношении личности Мардахая Овшолума другая задача у М. Дадашева. У него – ученика, последователя и единомышленника всех деяний своего учителя: «татизации» горских евреев, сокрытия действительной причины смерти Мардахая и всего того, что связано и с этим именем – это «наведение тени на плетень». Его цель – оправдать разрушительную работу своего учителя, начатую Е. Мататовым в отношении народного поэта. Для этого он реанимирует все измышления своего учителя по части смерти поэта, акцентируя внимание читателя на предполагаемые его «хвори». Введя в статью о Мардахаяе, по примеру своего учителя, абсолютно чуждую персону того же самого миллионера, точно также многословно восхваляет того, явно пытаясь оградить от чего-то.

Если искажение правды о причине смерти Мардахая, скажем так, Х. Авшалумовым хотя бы как то нивелируется запоздалой справедливой оценкой его поэзии, то иначе поступает М. Дадашев. Он, в отличие от народного писателя Дагестана, «смело» берёт на себя роль безапелляционного судьи и всякими несостоятельными домыслами беспардонно низвергает художественную значимость творчества Мардахая Овшолума.

Своими фантазиями М. Дадашев пытается убедить неискущённого читателя в том, что Амалданом Кукуллу «бы-

ла попытка приписать ему (Мардахая Овшолуму) некоторые хвалы и эпитафии» лишь только для того, как он пишет, «чтобы таким образом «полнее» представить его (Мардахая) классиком дагестанской литературы». Слово «полнее» он специально, для усиления значения этого слова, даже берёт в кавычки. Яркой выраженной адресности стихов Мардахая и присутствия в них духа автора, конкретной автобиографичности в них он почему-то не видит. Не видит или не хочет видеть объективного процесса естественного перехода поэта от песенного творчества к авторской лирике. Несмотря на все критические рассуждения по поводу качества стихов Мардахая, он, вслед за Х. Авшалумовым, сам же называет его поэзию народной. Но все же считает, что народного поэта нельзя представить классиком дагестанской литературы по причине того, что «поэтическое наследие его совсем невелико, около 90 четверостиший». Так ли это на самом деле? Хотя многие, очень многие стихи Мардахая Овшолума утрачены, то так ли мало сохранившееся его поэтическое наследие? И даже без учёта «некоторых хвал и эпитафий», уж если ему так хочется! Почему-то окружающие нас соседние мусульманские народы не вели поштучный пересчёт произведений классиков своих литератур. И, наконец, разве значение поэта определяется большим объёмом «наработанной макулатуры», а не её значимостью? Аналогов тому в истории множество. А эти «90 четверостиший», о которых он говорит, не из числа ли тех, что были обещаны А. Кукуллу для выпуска общей книги о Мардахаяе? А если говорить о том объёме стихов Мардахая, которые бескорыстно записали в разное время и сохранили для народа известные писатели нашей общины, то они никак не были заинтересованы чего-либо приписывать Мардахая. Его сохранившееся наследие вполне могло обойтись и без всяких приписок. Поэтому всё измышления М. Дада-

шева излишни. Разве что им двигала необходимость любым путём оправдать пагубную работу своего учителя, так беспощадно разрушившего творческую судьбу Мардахая Овшолума.

Всё это, вместе с лживой трактовкой причины смерти Мардахая, и всей той ложью в отношении народного защитника, накопившейся за многие годы, не могут оставаться без реагирования. Да и историческая правда, наконец, вызывает к справедливости. Ведь было и такое: в одной из публикации 70-х годов в сноске пояснений внизу страницы читателю сообщалось о том, что «Мардахай Овшолум умер в 1925 году на сибирской каторге. То есть, молодому поколению ещё тогда внедрялось в сознание, что Мардахай Овшолум умер на каторге, как «бандит» советской власти.

Однако, проследив за их «исследованиями» в очерках причины смерти Мардахая – с одной стороны, и одновременным расхваливанием здесь же достоинств миллионера – с другой стороны, ясно видно, что их заботило не столько желание показать историю жизни Мардахая Овшолума, (хотя очерки всё-таки о нём!), сколько главенствуют усилия обелить этого миллионера, оправдать от чего-то. Они вынуждены были создать эти очерки для того, чтобы, акцентировав внимание читателя на причину смерти Мардахая, якобы по болезни, исключить убийство и, стало быть, возможность существования самого убийцы как такового. Это было для них важно! Для достижения этой цели и была ими посвящена значительная часть очерков назойливой хвале миллионеру – антиподу Мардахая, никакого отношения к очеркам о народном защитнике не имеющему. Эта хвала миллионеру в них настолько же излишня и неуместна, насколько многословна и доминантна, что невольно возникает вопрос: о ком больше пекутся авторы этих очерков - о

Мардахая Овшолуме, ради которого они были созданы, или об этом миллионере?

В итоге своей чрезмерной хвалебной риторикой они добились того, что получили обратный результат, подставив того самого миллионера по принципу «на воре шапка горит», то есть, сами того не ведая и проложили дорогу к истине!

...Изначально у наших лидеров не могло быть причин отказываться от истоков своей литературы и вряд ли бы они от неё отказались. Но если досоветская литература всё-таки была ими вычеркнута из нашей истории, то это было сделано не из-за гипотетического антисемитизма в отношении горских евреев города Дербента, а по вполне определённым причинам.

Однако, даже если Г. Мусаханова утверждала, что «Е. Мататов вычеркнул наших тюркоязычных Поэтов именно из-за их ивритского алфавита», то этого, на мой взгляд, было бы явно недостаточно, хотя косвенное значение для такого шага, возможно, и могло иметь. А вот присутствие в досоветской литературе Мардахая Овшолума, вместе с другими Первыми Поэтами, автоматически ставило его в ряды классиков дагестанской литературы. Однако это обстоятельство, при популяризации биографии классика, рано или поздно привело бы к официальному оглашению имени его убийцы. Конечно, можно было бы убрать из неё имя поэта-бунтаря, и на этом успокоиться, но они прекрасно понимали, что существование досоветской литературы горских евреев без Мардахая Овшолума невозможно, поэтому они просто убрали досоветскую литературу вместе с их родоначальниками от греха подальше.

А если к тому же заглянуть в родословную так горячо расхваливаемого ими миллионера и увидеть, какое место в этой родословной занимают Е. Мататов, Х. Авшалумов и

ещё некоторые из руководства общиной, то становится очевидным: ради кого и кому понадобилось вычеркивать досоветскую литературу из истории горских евреев, для чего необходимо было объявлять Мардахая «бандитом», а Шоула Симанду – «религиозным мистиком».

Так что вопрос заключался не просто в неприятии личности Мардахая Овшолума, как предполагалось ниже, и даже не просто в недопущении присутствия имени Мардахая в досоветской литературе, а прежде всего в сокрытии имени могущественной персоны самого убийцы.

По всем этим причинам, и в целях опровержения всех других выводов и определений, сделанных А. Кукулиевым в отношении героя своей книги – Мардахая Овшолума Сибири – и появились на свет эти очерки.

Если бы не книга Амалдана, то очерки этих двоих писателей никогда не появились на свет!

Н и к о г д а!

Но и если бы не появились на свет указанные очерки, в которых целенаправленная ложь их авторов служат единственной цели – цели сокрытия истины, дезориентации и введения в заблуждение молодого поколения общины, то вряд ли бы появилась необходимость и для данного исследования... Молчать об этом не только невозможно, но и преступно!

* * *

Никакого давления по отношению к Мардахая Овшолуму со стороны советской власти никогда не было, точно так же, как никогда не было желания у советской власти отделить горско-еврейский народ от иудейства. Все эти фальсификации были осознанно инициированы ими самими для собственных целей.

Сам Х. Авшалумов в своей статье объясняет, что в царское время «бандитом» Мардахая называли богачи в ответ на его защитительную деятельность с целью осуждения того на сибирскую каторгу, что, естественно, так и было. Но о том, что после революции была такая же установка и от советской власти – считать народного защитника «бандитом, а Шоула Симанду, ещё чуднее – «религиозным фанатиком» (и это среди сплошной религиозности населения?!), он ни в этой статье, ни где-либо ещё не упоминает. Как будто бы никогда по этим причинам и не отказывал в публикации их произведений! Как это понять? Опять же расчёт на людскую забывчивость за давностью лет?

А не сам ли автор знаменитого «Шими Дербенди» единолично ярлык «бандита» перенимает у дореволюционных недругов Мардахая и с успехом узаконивает теперь от имени советской власти. В дербентской глубинке всё возможно. А почему: «с успехом»? Да потому, что по «их милости» и в настоящее время, даже в Израиле, некоторые люди старшего возраста, в том числе довольно просвещённые, грамотные люди нашей общины (не в укор!) искренно верят, что именно советская власть была инициатором объявления Мардахая «бандитом».

* * *

Очевидно, что Мардахая Овшолума «бандитом» объявляла не советская власть. Таковым его представляли властям вначале дореволюционные богачи-мироеды, а в советское время – сородичи тех же богачей и их лизоблюды, проникшие во властные структуры и продолжавшие определять судьбы простых людей и при новой власти. Они, будучи в идеологических, родственных и клановых связях, объединённые общей ненавистью с тем, кому сама память о

Дербентском Робин Гуде была костью в горле ещё с дореволюционных времён, скорее всего и были первопричиной всех бед народного поэта-защитника. Они являлись и основной и следствием всех вышеперечисленных причин, приведших в начале к смерти, а затем к забвению одного из замечательных представителей нашего народа – Мардахая Овшолума Сибири.

Но несмотря ни на что, поэзия Мардахая пережила годы своего официального забвения. Она сохранилась и живёт в народной памяти уже почти 150 лет, потому что близка и понятна народу, потому что народом любим он сам, как человек с болью и пониманием воспринимавший его страдания.

«Велика роль Мардахая Овшолума Сибири в развитии новых демократических черт нашей литературы... Обозначив начало новой письменной культуры горских евреев, он соединил в своих произведениях национальные черты и общекавказские традиции, отражая пробуждение личности трудового человека, втянутого со своим Дербентом в общекавказские и общероссийские исторические процессы конца XIX - начала XX веков, создав интересные образцы высокой поэзии того времени», – писала в своём письме-отзыве Г.Б. Мусаханова.

Мардахай Овшолум – национальное достояние своего народа! Он – явление! Явление в социальной, общественной и культурной жизни горских евреев.

Послесловие

Бурные исторические процессы XIX и начала XX веков явились следствием появления на литературной арене певцов из простого народа, поэтов-бунтарей, зачинателей национальных культур многих дагестанских народов, в том числе и горско-еврейского. Трагические судьбы их во многом схожи с трагической судьбой нашего поэта-бунтаря. Своими свободолюбивыми стихами они, также как и Мардахай Овшолум, подвергались гонениям со стороны царизма и беков-стяжателей, ссылкам на каторжные работы в Сибирь, в том числе, убийством. Но благодарные потомки не вешали на них клейма «бандита», как это делали недруги Мардахая Овшолума, а справедливо объявляли родоначальниками своих литературных культур.

Передо мной подарочный сборник стихов «Строки горской лирики» (Махачкала, 1972г.) со стихами «прославленных певцов дореволюционного Дагестана: Батырая Омарова, Махмуда из Кохаброссо, Ирчи Казака, Етима Эмина, Щаза из Куркли...» в переводах таких опытных переводчиков, как Ю. Нейман, С. Липкин, Э. Капиев, переведших в те годы и произведения великого Расула Гамзатова...

Читаю их произведения, затем возвращаюсь к поэзии Мардахая Овшолума... Горько и обидно сознавать, что из-за корысти и злопыхательства одних, из-за безграмотности и безразличия других Мардахай Овшолум Сибири, достоинство и гордость нашего народа, не только не был включён в этот ряд народных поэтов Дагестана, но и был на многие десятилетия вычеркнут из нашей истории.

Хадера, Израиль.

Воспрянем духом и ринемся в бой
В отважную схватку с врагами.
Отныне мы братья, наш дух боевой –
Евреи, аварцы, лезгины, гаджары.

Мардахай Овшолум,
из стихотворения «Из наставлений
отрядам красногвардейцев, уходящим на фронт».

Идите на схватку, великую схватку,
Будьте смелы, громите врага.
Отрядами горскими умножьте победу
В борьбе за власть человека труда.

Мардахай Овшолум,
из стихотворения «Из наставлений
отрядам красnogвардейцев, уходящим на фронт».

Returning to the origins... or "What is done by night ap- pears by day"

Dedicated to the brilliant memory of fabler
and legend collector Amaldan Kukullu's,
likewise to all Mountain Jewish poets and writers who
succeeded in recording verses, songs, laudatory odes
and epitaphs by Mordechai Avshalom from the oral folklore,
and who managed to preserve them for future generations.

Shalum Shalumov

Letter – Comments

on the publication of the first edition of the book "Legendary Mordechai Avshalom Suberia", 2009 and congratulations on the second edition of this book" Poet-Rebel Mordechai Avshalom Suberia", 2013 by G.B. Musahanova Dr literature (summary).

Dear Shalom!

I must admit that reading your book was hard for me, the unexpected difficulty came from the many emotional expressions you have used. First of all I'm sorry for your loss. Wishing you that God will watch over you and many more years of writing works that you dedicate to your son, god rest his soul.

And of your current book I give you countless thanks. For me it is a renewal in our culture. It is an interesting research that emphasizes the development of his life with all the difficulties and complications Mordechai Avshalom encountered a poet, a hero, a rebel, fighting for his people's rights. I must say that I was pleasantly surprised about the depth of the investigation done on the subject. Your work differs from everything else I've read so far, it is very noticeable especially since it was free of deficiencies characteristic to our people. Your writing style was new to me because so far only standard biographical Descriptions were written of the lives of significant figures in the nation. Of all the works I have ever read that dealt with a great figure, I would only note the book of Amaldan Kukulu, published in 1995 in Moscow whose content intersects with your book. I remember my meeting with Amaldan Kukulu in Moscow, he told me about

the trip he made to Derbent to conduct research and gather facts. With amazement he told me how even today in Derbent they remember and love their great poet. I believe that your acquaintance with Amaldan Kukulu in Moscow near the bookstore and the fact that in Israel Mordechai's original picture fell into your hands are the acts God. Not for nothing they say, he who looks always finds.

I liked your citations for Amaldan Kukulu's work, the profound research he conducted and gathering the works of the popular poet and cared to have them published. Your book, that was published 15 years later than his, is written in another level. From the beginning of your work until the end you hold the high standards you have set and proof of this is the argument you had with the two "Literature experts" as you call them (which by the way are very easy to identify). Although you were very restrained in what you said, you successfully conveyed the message that enriched your work a great deal.

Facts from the life of the poet specified, your compelling findings which refute the words of the "literature experts", the structure of the book, finding other sources that were not discovered so far, the unique style of your writing not to mention the amazing design of the book entirety - all of which indicate that today there is not another person who knows better the life history of the poet considered the father of the literature of the Mountains Jews in the late 19th and early 20th centuries. You managed to tell, in a very moving way about the tragic fate of the poet and of the heroism and nobility while emphasizing the important subtleties. With great sorrow you tell of how there are unsaved works and that there are blank spots in his biography in the absence of documentation. But despite it all you successfully created the whole character, a true hero, a noble man whose works passes from generation to generation in our people for nearly 150 years. His mental and physical strength, his loyalty to

his people and his love for his wife Nerguz, how he wrote her love letters, how they helped him survive the deportations to Siberia, to escape several times (hence the nickname Siberian) and in 1919 to take part in the struggle for the rule of the people (so we thought anyway). It's very difficult to digest the fact that it was in time he found his peace, he was murdered by a traitor.

Your unique writing style is noticeable in every part of the book. But I will refer to the highlight of it - the collection of Mordechai Avshalom's creations was collected in different periods by fans of his talent, our famous writers of different generations: Daniil Atnilov (1915-1968), Amaldan Kukulu (1937-2000), Boris Gavrilov (1908-1961) and Simon Yusufov (1914-1985). May their memory be blessed! And Hat's off to you! This part of the book again highlights the difference in the importance of the life and death of our famous poet for you, compared to the two "expert"!

You aspire to get to the bottom of it, exposing the truth about the life and death of the great poet, most importantly - try to collect and gather together as many of his creations in order to present his work in its entirety! And they wanted to leave their mark on the history by being the first researchers of the famous poet's life.

The question never crossed your mind, why did the eldest of the "experts" never published Mordechai's works that he managed to collect while working with us on the research, at least as Daniil Atnilov did it when he returned from the war.

An interesting position of him was discovered in his book "Tati Folklore" published in our research institute in 1940. 193 pages book. First, there is a very long introduction of Hizgil Avshalumov, then a large part of the folk tales, lullabies, idioms and proverbs and Azerbaijani blessings prevalent in our people. At the end of the book you can see 13 verses now known as the song "Before the trial" and then two more verses in the same

subject. The piece was written without a name and without any information about the poet. Also in the very long introduction in which Hizgil presents the summary of the book and complete information of its content and of the writers mentioned in it, Mordechai is not mentioned at all. Only on page 193 (the last page) there is a vague sentence that goes like this: Legends, lullabies, songs and blessings by Mordechai, collected and recorded by m. Dadashev and H. Avshalumov.

There is a clear attempt to hide his connection to the poet even though he was familiar with his works and knew them by heart, it was revealed to me when I was at his house in the middle of the 70s and he recited his poems with enthusiasm the whole evening. At that time I was very close with him and his wife, but because he started to forge and distort historical facts of the people, I quarreled with him and our relationship was severed.

Not only your talent as a researcher who meets all the criteria of modern research methods was shown in your work, but also your Diversified and very creative personality. Which was a very pleasant surprise for me. You show yourself not only a serious researcher and a successful translator of the poet's songs, but also as an illustrator and a very talented artist. The photos attached to the end of the book shows the variety that you have and the difference in styles of your works. There are classic style images and pictures of more modern style with a blend of colors that don't pass the limits of good taste, as opposed to some artists that their works seem like they lack common sense. Sometimes you cannot understand what the artist meant by mixing the colors in the image, but in yours it's all clear, even paintings that describe sophisticated plot some of which can be seen that done with a sense of humor. Your satiric works are very interesting, I am also impressed by your signs and works made on silk, which is new art for me, it probably requires a lot of con-

centration, skill and patience. Your biography at the end of the book really helps to know you, to know your course of life which helps in understanding your creations.

The book's cover is wonderfully decorated with greetings in Russian and Hebrew in the center of the Jewish symbol – Hamsa. I think it's very good that you use the term Juhuri when you tell the language in which Mordechai Avshalom wrote. The term Juhuri really entered modern science as the language of the Mountains Jews as Yiddish term that defines the language of the Jews of Europe and the term Ladino language of the Jews of Spain. All terms are different names for "Jewish language" in one country or another.

The alphabet of the ancient Hebrew language that was used by our first poets, Mordechai Avshalom and Shaul Simandu, remained without definition. The two poets wrote in Azerbaijani – Derbenti dialect, which is very different from the language of high literature in Azerbaijan itself, founded by another milestone in literature, the great Muhammad Fizuli (1494-1556). Another famous poet who represented south Azerbaijan "the elder brother" of our poets, Ghassan Elkadri the lezginian (1834-1910). Specialized in Arabic literary culture and also wrote in that language. He wrote his history book "Asari Dagestan" in Azerbaijani dialect, similar to the dialect of our poets. At that time even though the works of our poets were written in the Azerbaijani dialect, like the works of Suliman Stalsky, they were not included in the literature creations of Azerbaijan.

Our two poets wrote in the style of "Ashugy poetry", they lived in Derbent, but in their works you can see the events taking place in Caucasus in particular and Russia in general in the late 19th century and early 20th century.

I now understand why in your book when the issue of the language was raised, you didn't expand the discussion on it. Due

to the lack of original manuscripts of Mordechai, you could not continue and deepen this topic.

Based on the writings of Shaul Simandu, it can be concluded that our two poets wrote their works in ancient Hebrew. They documented their work as opposed to the Lezginian poet, Suliman Stalsky who was an illiterate that became very famous nonetheless after the poet conference of the Soviet Union which took place in 1934 in Moscow, where he was highly regarded. He gained fame thanks to the support of the chairman of the Communist Party in Dagestan, Karmasov. Our poets received no such support. Furthermore, in the collection "Tati Poets" published before the poets conference in 1934, the Mountains Jews community leader in his long preface referred to them in only one sentence. In that sentence he dismissed their importance as great poets in the nation and associated them to the field of folklore. By then Mordechai Avshalom was dead, and Shaul Simandu probably was not able to fight for justice against the position of the leader. Maybe this could be the explanation to the concerns that the editor of the book "Tati Folklor" that I mentioned earlier had.

Our first poets and other artists who have lived in their time, they are our national treasure! With variety of talents! Their names are sacred for me! Their era was a period of prosperity of the written culture. Later on, their names were erased from history and were replaced by poets of political - communist characteristic writing style who praised and glorified the authorities.

I agree with the comparison you made between our literature to the literature of all the other communities of Dagestan that retained and managed to include the names of their first poets. But your book is not known in Dagestan's scientific world, you should ensure that it is accessible to our science also. Our research institute conducts a large project currently researching

all the languages in Dagestan, even those who have no written language. And our language which is included among the five first languages to be in writing, remained outside the study.

In order to understand the worldview of the leader who rejected Mordechai Avshalom and Shaul Simandu from the literature, as an example you can show his reaction to the love poems published in "Zachmetkesh" newspaper in 1933. In it he claimed that these poetics "distracting farmers from their agricultural work." The leader of the Mountains Jews in Azerbaijan also responded like him, criticizing the young poets in Derbent, who published their work under an assumed name, said in his criticism that in his opinion they have no ideology.

Despite everything, even against the political persecution and lack of freedom of expression, songs full of emotions and freedom longings by Mordechai Avshalom still continued to live in the nation. This can be seen by the many listings of his poems edited by Amaldan Kukulu in 1965 in Derbent. These records reached my hands only in the 90s so I say again, everything that is being published in Israel, send here also, for Dagestan's scientists to be familiar with. Mountains Jews from Azerbaijan now living in Israel have more intensive cultural relations with their country than the Mountains Jews from Dagestan. This is understandable because the Azerbaijani government and the citizens also behave differently than us Dagestanies. Dagestan is still ruled by a group of people who made a career of falsifying history and recruits more collaborators. There is a feeling that the authorities have given this group a free hand to do whatever they want with the history of the people and shook all the responsibility off themselves.

In your book I came across several statements highly compatible with the Soviet mentality. For example, why did you react with such negativity when the rich people of Derbent which were not only mountains Jews but also Azerbaijani and

Armenian gave a gift to the czar Nicholai the 2nd in his visit to Derbent in 1913? Prior to his arrival they established an educational institution building and a municipal hospital, in honor of 300 years to "the house of Romanov" and the completion of the railway from Derbent to Baku. Both of these amazing buildings still adorn the city today on the background of modern construction. In addition, the rich also funded roads in four main streets cleaned the city garbage and established a large clock in the city center. What's wrong with that?! After all, the czar didn't take all the gifts with him to St. Petersburg, they remained in Derbent. It's a shame they stopped there, if they were to fix the water pipes that could have solved a lot of problems. Even today, 100 years later we still have difficulties in transporting water.

I understand your anger about the words of the two "experts" that distort the truth about Mordechai and his creations. But I cannot understand your fervor, because the czar in his arrival to Derbent declined the invitation of the head of the police, even though he was preparing for his visit, but honored one of the sons of our poet's killer. The czar knew his son from his first visit to Derbent. What's the big deal?!

Among the Hanukayev family there were different people: arrogant, vengeful and some that were honest and decent. Did you know? We (the Musahanov) also belong to the Hanukayev family, but at some point in the history of my family, in previous generations on my father's side, they refused to have that name. Yet I respect the memory of many people in the Hanukayev family.

Now I remember the talented doctor, Pinchas Hanukayev, The first Doctor of Sciences among the Mountains Jews. He received his degree in Leningrad and spent his life in service of the people. In my childhood in the late 1920s early 1930s he was fighting for the lives of patients with fever with almost no medi-

cal means to do so, and most importantly he beat the epidemic and managed to cure them.

Also hat's off to the two Hanukayev girls, the first secular teachers, Susana daughter of Elijahu and Chanum, daughter of Elijahu, who made great efforts for dealing with the ignorance of the women of our people. They were also the first authors of textbooks for our people. I take off my hat also to their nephew, a boy of 24, a sapper engineer, whose job was to defuse unexploded bombs which often fell on Leningrad which was under siege. He neutralized hundreds of bombs!

Before reaching the age of 17, his granddaughter became the chief ballerina in the Opera and Ballet Theater in Makhachkala. The theater was opened in 2003 and in the opening show presented the play "Mountain girl" by Shirvani Tshalyev according to Ruslan Gamztov creation and our ballerina had the lead role.

Dear Shalom! I wrote all this to make you understand that not all members of the Hanukayev family are your enemies; don't occupy your mind all the time thinking about the injustice. Take the "burden" off your shoulders and leave it in history! After all, many of them, especially the younger generations, are not at fault for what happened!

Maybe if you behave differently towards them, one of "them" will find the willpower to cooperate with you for "solving" the tragic story not only because many years have passed, but from the desire that the "feelings of guilt" will not pass on to future generations especially, when something like that already happened in my family, who refused to bear their name. Think about it!

Now, I want to point out that in my opinion a number of Mordechai's poems that you have translated to Russian were less successful, but it can be explained in that they were not made from the original poems, what sorrows us all.

Your work is very necessary especially now that the Mountains Jews are scattered in four continents of the world. I heard that Austria already has a small community of Mountains Jews who preserve their love and loyalty to their Caucasian roots.

(Galina Musachanova shares her thoughts of how in her opinion the man's children can be found, who took Mordechai's journals).

Again I wish you health, longevity and actualization of your creative life!

"Chodo Komek" – May god help you in everything.

***Sincerely Yours,
Galina Musachanova.
March 5, 2010,
Makhachkala.***

JOINT ROOTS – THE SUPREME INTIMACY

Researcher in the Judaica and Ethnography Department of the Israel Museum Dr. Liya Mikdash-Shamailov's detailed account on S. Shalumov's book "Legendary Mordechai Avshalom Sibiri (the Siberian) 1860-1925".

The other day I received several remarkable books as a gift at one of the meetings. Amid all those sweet exhilarating volumes, still fragrant with their fresh printer ink not yet faded, there was one especially noteworthy book "Legendary Mordechai Avshalom "Sibiri" ("The Siberian"). 1860-1925".

A book in its beautiful maroon binding, issued by "Mirvori" Publishing House, was granted to me as a present by its author, a renowned artist Shalum Shalumov; a scion of Mordechai, whose father had always been a truth-seeker, lone rebel, national patron and Mountain Jews' classic poet. Shalumov allows his reader a plunge into the depths of his people's century-old epoch.

...Someone once cracked a joke: except for Biblical Moses, Jews had never had any quick-witted guide. They failed to know of Mordechai Avshalom! I am clueless as to where the Universe ends up, but I am doubtless that it derives its source from such people as Mordechai Avshalom.

At the exhibition in the Israel Museum, inside a typical Caucasian dwelling, there hung a portrait of a man with an athletic build. He was sitting on a chair, wearing inmate's attire, his

hands cuffed and feet chained. Visitors would question me about this gray-bearded person who no longer lives on this earth, but seems as though soaring above its surface. I shared with them numerous stories told by the Derbent residents, interwoven with my own reflections on this Caucasian Robin Hood's fate; who would defend his natal community with his mighty fists, and allot his soul scratching and heart gripping verses to his beloved fellow-countrymen.

One can come across an array of diverse accounts about the life of Mordechai Avshalom "The Siberian". Yet many of them often lack reliability and validity. That is why Shalom (his nephew) decided to have a book published, thus dotting all I's and crossing all t's.

Shalom succeeded in reaching the very beginning, the family origins; the absence of which would hardly ever yield an authentic description of this or that personality. He lined up the key events about Mordechai's struggle against his people's exploiters, having gone over several plots compiled by the previous generations, and, of course, put together his own poems, many of which now considered a part and parcel of the folklore.

The author draws his readers' attention to the fact that Mordechai Avshalum, at the center of his community – a tiny particle in the huge Jewish world - had always felt an overwhelming responsibility for its existence and wellbeing, as well as had been looking for every plausible opportunity to defend its interests. At the same time, his susceptible soul would invariably respond with poetry to his people's pain. Here we can witness the shaping up of these two trends, which are quite different from one another, even polar in nature, and yet are reciprocal and complementary of each other. Both are inherent in Mordechai Avshalom's spirit – the spirit of a fighter and a poet. Owning to Shalom, we are granted with a renewed and updated interpretation of the following widely known lines:

I, Mordechai, am declaring solemnly
I'll overcome all the hardships and roadblocks
Come full of power and call for the struggle
You are my people, bless and forgive me.

The man of letters Mordechai Avshalom was born in Derbent, in approximately 1860. He led a stormy and fast paced public life (protecting poor and bereaved community members from the rich and imperious), and wrote verses and poems. He had been exiled to Siberia twelve or fifteen times, yet he repeatedly contrived successful escapes from there. He found his death (in 1925) in a few drops of poison at one of his compatriots' wedding party.

The author of the book Sh. Shalumov resolved to collect his poems, recorded by A. Kukuliev, B. Gavrilov, S. Yusufov, D. Atalov, and translate them to the Russian language himself. It should be mentioned that different authors had the same verse recorded differently. No wonder, as people are inclined to pass it down in the way they have memorized it. Thus, the same verses and poems exist in completely different versions. For example, B. Gavrilov's translation of "I Apologized While Leaving" recorded as so:

Don't you throw me out of your heart,
Oh, my Nergiuz, my beautiful wife.
I was driven away with hollow waters
Into faraway Siberian taiga.

S. Yusufov entitled this verse "While Leaving I Was Asking for Blessing":

Do not throw me away from your heart,
My lovely beauty.
I was driven with water streams,
My love, just bless me.

Shalum himself admits that it was for the first time in his life that he dealt with the craft of translation, and that he had tackled it only because, in his impression, all the existing translations are completely inept. In his opinion, they do not convey the sincere warm-heartedness of Mordechai's poetry; moreover, at times they even twist the genuine message and misrepresent the sense. He therefore made up his mind to cope with the poetic translation himself, and even in the most dramatic verses there is presence of soft lyricism, sincerity, tenderness, search and retrieval of harmony:

Although I'm an inmate, as of now,
There is no need mourning for my fate.
My hopes, thoughts, my soul –
Will always stay with you, my friends.

In his verses, if Mordechai wrote about himself, it was done in order to try "via himself" to comprehend and appraise the epoch in which his people were forced to live through:

On July 17th we all got recruited and enrolled
We took our soldiers' oath in front of the line.
We had better never to have heard those words.
Recalling Derbent, I have been crying bitterly.

A sturdy bulky man of muscle Mordechai Avshalom (his height reached 2 m 12 cm) had always been somewhat of a dogged person in all that he did. With his steady persistence, he strived to help his people overcome poverty and achieve a better destiny for themselves:

Mordechai is keen on all the aforesaid valuable traits, showing up at the most crucial and fatal moments, initially marked by the sign of impending misfortune and grief. Being a pro-active insider of his society, he embeds this fate in a certain historical setting, pinpoints down the influence of time, follows up his own link with the era, simultaneously pushing off from this timeframe and permanently seeking firm toeholds:

Come over to me, dressed in festive garb,
Prisoner's robe is so begrudging and gloomy.
My whole life I have spent in jail,
Never seeing my dream of tranquil
and quiet days come true.

Out of the other prisons, I managed to flee
Twelve times, I was a successful fugitive
Even now, I am quite positive that no one would
Be able to keep me long inside this dreadful pit.

In each book by a true poet, any reader can find something especially belonging to "his authenticity", something that touches upon his own inner soul strings. It does not at all matter, whether it is good or bad, new or as old as our world. What really matters is that this is an inseparable part of you:

Do not lay a pebble on my tomb,
Do not plague yourselves with lamentations on me.
As I have arrived at this earth without anything,
So put me into my grave and bury me as I am.

His life was full of unexpected turns. He had never wanted to succumb to the current circumstances, nor had he ever been "thirsty for power". Nobody was capable of stopping him from

"singing his song", since he possessed his own world, a vast space, inhabited with his compatriots. Then suddenly, Mor-dechai decides to become a policeman, to join "the cops". He must have thought that disposing "authority" he would find it much easier to help his people out. Nonetheless, he did not serve in the force for a long time. Disappointed, he quit his service:

I saw stone faces everywhere.
Inanimate, like pavement cobbles.
Guess, even now I would still be acting
As a police officer in the municipality.

A stupid copper serving for the evil,
Wearing such a dumb mug.
Yet God gave me a mind to serve
 for the sake of the good,
I therefore was soon expelled
 and kicked out of the police forces.

He participated in the Japanese war, returned to his native Derbent, but would not "stay long" in the city. He was "absent", as he was exiled to Siberia for the murder of a police officer, who had been treating a widow outrageously. He was also sent to remote places for his attempts to assist a working class person to defend his dignity before the cruel tyranny of the rich and wealthy.

Wherever he happened to be, he always missed his motherland and was eager to touch his land, wet with mother's tears:

He, who hears my words, let him hear them,
Recalling Derbent, I am crying bitterly.
The entire wealth of the world means nothing,
Recalling Derbent, I am crying bitterly.

any prophecy behind as legacy, except for his immortal and eloquent verses and poems:

Given that I meet Lord God up there in heaven,
I will ask Him,
Why He granted us life without the peace of mind,
Why He makes us go under and be buried
at such a young age –
Why does He not allow us to enjoy the mere
delight of His creation?

...They claim that every person must participate in building the Temple. Every person ought to wish to possess his own Temple, having made his own effort. There is no need for grasping the concept of "the Temple" as something tangible. The Jewish Temple is hidden in each one of us; this is the glue that is expected to unite the entire nation. Finishing my brief account on Shalum's book, I may only add to what has already been indicated above, that the restoration of the historical truth about Mordechai Avshalom's ("the Siberian") life, death and poetry is undoubtedly a priceless contribution to the charitable and Godly cause of our common Temple erection.

Shalom Shalumov

**RETURNING TO THE ORIGINS... or
"WHAT IS DONE BY NIGHT APPEARS BY DAY"**

**"For the purpose of the struggle my faiths in the good
will never die..."**

*From the Mordechai Avshalom's Sibiri (The Siberian)
verse "Thanksgiving"*

"Among the remarkable representatives of the Mountain Jewish folk song oeuvre of the XIX-XX centuries, Mordechai Avshalom is an outstanding figure whose name has become a symbol of the national poetic tradition".

Manashir Yakubov, "Dagestan People" Journal, # 1, 2002.

The term "classic" surely legitimizes his (Mordechai Avshalom's) role in the development of novel democratic characteristics in our literature".

Quotation taken from the feedback letter by Ph.D. Candidate, Assistant Professor, Senior Scholar of the Gamzat Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences G.B. Musakhanova to S. Shalumov's book "Legendary Mordechai Avshalom Sibiri (The Siberian). (1860-1925), Israel, 2009".

The history of the ancient, minute though gifted and laborious Mountain Jewish nation, both in the past and at present,

has known numerous eminent names, glorified by their outstanding deeds and extraordinary achievements in every possible sphere of human activity. All of them are famous and their grateful compatriots eagerly pay tribute to them, even without our efforts.

As to our community's prolific accomplishments in music, dance, literature, folk and applied arts etc., which the surrounding Muslim peoples, who have been our close neighbors for many a century, have been so remarkably meager in, - this is a separate issue to be addressed.

As for us, we shall continue to discuss our literary culture, which was born in the mid-19th century, and which has scarcely been mentioned anywhere until present, as if neither it, not its active bearers have ever even existed.

It is undoubtedly vital to talk about the Mountain Jewish literature, beginning not from the first Soviet decades of the 20th century, as it was done before, completely ignoring the pre-Soviet period. As far as the history of the Mountain Jewish literature is concerned, it should be highlighted, beginning from its birth in the mid-19th century. The Mountain Jewish literature was born and given an impetus with the rebirth of the Hebrew alphabet. Its creators were our marvelous First Poets – Mordechai Avshalom (The Siberian) (1860 - 1925), Shoul (Saul) Simandu (1856 - 1939), Aibolo from Tarki (birth and death dates unknown).

The above poets' creativity had to be the basis, the fundament, the starting point and the springboard for the entire further development of our literature. However, when the Soviet power took over in the city of Derbent, the first Communist leaders of the Mountain Jews erased and consigned to oblivion our founders' endeavors and accomplishments.

Why did they act this way? Perhaps, they were merely copying the behavior of the other Dagestani nations, were they not?

Not at all! Quite the opposite, in fact! All the surrounding Dagestani peoples, likewise the other minorities of the Soviet Union, carefully treated the creative heritage of their founders, whose names were openly pronounced and remained on everyone's lips, as part of the then state-maintained policy of preserving and cherishing the origins of the national cultures. As for the Mountain Jewish leaders, they failed to do that. Why? There must have been some reason for such negligence! Should there have been reasons, how convincing and sufficient they ought to have been, in order to suppress their national culture, put it down and depersonalize it among the other nations?

* * *

It is a well-known fact that our first poets created their literary pieces in the Turkic-Azerbaijani language (the then inter-ethnic language of communication). They are most likely to have written in Judeo-Tat or Juhuri – the Mountain Jews' mother tongue. Their verses were recorded in the ancient Hebrew alphabet - the proof to which are the saved recordings of Shoul (Saul) Simandu's poems - because in those olden times neither us, nor other Dagestani ethnic groups, had any other written ways and means, apart from the religious one.

Within a short time frame, the Soviet power twice switched our alphabet, namely: in 1929, the ancient Hebrew letters were replaced with the Latin ones, while in 1938 the Latin ABC was substituted with the standard set of Cyrillic symbols. The same drastic changes were introduced in the writing graphics of all the surrounding Muslim nations. In the 1920-s – 1930-s among the Mountain Jews, as well as the rest of the Da-

gestani peoples, the national literature and journalism began to develop at a dazzling pace. It is worthwhile paying tribute to the Soviet authorities that invested considerable effort in the eradication of illiteracy, having enlightenment and education as one of their top priority challenges.

From 1928 onwards, the newspaper “Zahmetkesh” (“The Toiler”) in Judeo-Tat was issued and various literary pieces began to be published in it. However, neither in this newspaper, nor in the initial vast Soviet edition of the Mountain Jewish anthology “Shohirihoy Tati” (“The Tat Poets”), issued in 1934 and edited by the first principal revolutionary leader and ideologist of the Juhurho in the Soviet city of Derbent Yehiel Matatov, there was no room given to either Mordechai Avshalom, Shoul (Saul) Simandu, or Aibilo from Tarki. G. Musakhanova wrote in her feedback letter to S. Shalumov’s book “Legendary Mordechai Avshalom “The Siberian”. (1860-1925), Israel, Mirvori, 2009” the following: “... just one phrase is actually dedicated to our poets, which strikes them out of the Soviet literary workers’ ranks and assign them to the national folklore”.

It is justifiable that at the very beginning multiple changes set in the writing graphics caused enormous problems and misunderstandings. Nevertheless, in order to publish national classics’ literary masterpieces, it was suggested that they be rewritten in the new alphabet, as all the Dagestani peoples, in fact, did. They were successful in preserving the cultural legacy of their ancestors and loudly and openly pronounced the names of their indigenous national classical poets, such as: Dargwa or Dargin Batyrai Omarov (1831 – 1910), Kumyk Irchi Kazak (1830 – 1879), Avar Mahmud of Kahabroso (1873 – 1910), Lak Shaza of Kurkli (1875 – 1939), Lezgin Yetim Emin (1838 – 1898), who later on became the renowned and famous classical writers of the Dagestani multinational literature, as well as the founders of their peoples’ virtual poetic culture. Their names have been

given to streets in many cities and towns, to enterprises, institutions, regional and district councils etc. In addition, their creative writings have been taught in Dagestan educational establishments until now. As for our political leaders headed by Y. Matatov, they failed to immortalize our classics' names. Consequently, no less talented Mountain Jewish poets were excluded from the Dagestani national poets' glorious array, thus making our literary tradition orphaned and repressed.

What exactly guided Y. Matatov who was appointed in charge of the Communist "kosher" literature of the Mountain Jews? What pushed him to disparage and depreciate the meaning of his community, to diminish and reject our poets' precious heritage? Maybe the true reason for such an attitude on his part lays in the fact that in his preface to the anthology he consciously referred our poetry to the Ashik folklore genre. On the other hand, the Ashik folk poetry of the other Dagestani nationalities hardly ever prevented them from holding the honorable title of their literary founders. What if the reason lay in having their hands full, in being too busy or in another impossibility to rewrite our poets' verses and poems in the new alphabet, in compliance with the key requirement, set forth right after the alphabet had been replaced?! After all, the times were exceedingly complicated, severe and full of grand novelties and undertakings. However, the neighboring peoples were no less busy, yet they did find enough time, patience and financial aid to perpetuate their pre-Soviet literatures. Or was the Caucasian Judaic community so self-sustainable, compared to the adjacent ones, that it could (for some unknown reason) easily give up their cultural achievements without any further harm done to them? Or maybe our party leader was forced to decline the first poets' verses due to their low grade quality? The very statement sounds redundant; henceforth it is unwarranted and can barely be viewed as a well-grounded argument.

Maybe the pre-revolutionary poetry of the eminent Mountain Jewish minstrels and swans, written down in the Hebrew alphabet by them, differed in their merry and pictorial Jewish colors, thus, not fitting in with the editions that officially accepted "Tat" Soviet writers. Then why did the pre-Soviet poets from other local nations, who would also record their pieces in the Arabic ligature (i.e. the religious font), and which would differ in its ethnic (or religious) tones too, fit perfectly well into the printed Soviet collections?

A possible reference to the "peculiar and intrinsic" Jewish survival kit in the midst of Muslim peoples would also qualify as improper and irrelevant, despite ample anti-Semitism expressed toward the Juhuri community during the Soviet period. Even though anti-Semitism as a traditional companion of every Jew will escort him forever and elsewhere, the Soviet regime tended to guide multinational Dagestan toward internationalism, thus, successfully getting rid of the formal state-maintained anti-Semitic prejudices, formerly experienced by the Mountain Jewish ethnicity - unlike both latent and explicit anti-Semitic tendencies against Ashkenazi (European descent) Jews, prosperous throughout Russia. Here things were altogether different; If under the Tsar reign the size of our community, which was subject to persecution, imposed assimilation, including physical extermination, receded and waned, contrarily, during Soviet times, the population substantially increased. Given below is the obvious vital statistical data: the Mountain Jews constituted only 20% of the total Derbent population, nonetheless, the majority of high-ranking ruling positions in the municipal government belonged exclusively to them. The Tat language is one of the five literary ones in the area, while the Mountain Jews are one of the ten most ancient indigenous ethnic groups all over Dagestan, compared to the Ashkenazi, who could not be considered an aboriginal people in any USSR region. Therefore, we as Judaism

observers were not only spared from subjection to any constraints and restrictions, but, vice versa, we could even take advantage of the national minority privileges.

The Mountain Jewish community, as one of the equally eligible ones, hardly ever differed from the rest of the Dagestani communities. There were neither fierce disputes, nor limitations and bans on behalf of the new Soviet authorities with regard to the Mountain Jews, that could make their political leaders cut and throw away an essential portion of our national history.

None of the previously mentioned statements provides any plausible answer to the question under review.

Could it be so that the reason for such an attitude concerned Mordechai's personality and his human rights activities? It has been an open secret that tribal revenge, which has been prevalent in our community as well, was dominant in every manifestation of the Mountain Jews' family, social and communal life. No one has ever cancelled it.

The fact remains as such: Y. Matatov, unlike the other Dagestani leaders, was reluctant to favor the continuous development of the pre-revolutionary literature. He and his team were actively involved in establishing their brand new literary tradition, totally oriented at "Tatization" (a belief that the Mountain Jewish subgroup has no Judaic background) to be later implemented in the Judaic self-awareness of the Mountain Jews. They must have aimed at grabbing the title of the new literature founders. The above assumption was later validated and emphasized by Y. Matatov's follower Kh. Avshalumov, who wrote in his article "The Biggest People's Property is the Mother Tongue": "...Yehiel Matatov used to be a key Soviet and Communist party official, as well as one of our first poets".

In order to promote and put into effect the primary concept of these political leaders, first and foremost, they were urged to somehow reshape and alter the history and the very notion of the

Mountain Jewish identity. They armed themselves with the then popular pseudoscientific idea that we were not at all Jewish, but Tat, who had once converted to Judaism. For the sake of their obsessive fixation, they were ready to sacrifice everything, including our national literature together with the names of its legendary founders. Lest anything Jewish ever creep to our present-day history from the Hebrew past, they began depriving our people of their Jewish roots, thus, attributing us the Muslim origin.

I wonder, to what extent could the first poets' creative activities have been an obstacle to their vision of the Mountain Jews' new life, was there no room for the Judaic origin of our community? Even when it could be in place, it was only indirectly.

To what extent could "Tatization" itself, along with our poets' Hebrew alphabet graphics, cause removal of the pre-revolutionary literary items from our community's history? It is possible to answer this question taking into consideration the intensity of the relationships between the people's defender Mordechai Abshalom and the "Tatization" advocates, i.e. those at power...

Still, totally shaking off and ignoring the successfully commenced Mountain Jewish literature, they sank in making up their own. As Ph.D. Candidate G. B. Musakhanova mentioned in her feedback letter, "They substituted our Poets' high-flown poetry with their artificial conjectural rhymes of political agitation leaflets and proclamations".

Of course, one might raise an objection that it was part of the destructive Communist anti-Semitic ideology, or that the Mountain Jews' "Tatization" was crucial for their physical survival.

That is how the contemporary defenders of marauders keep declaring to-day. No matter how paradoxical it may sound, there are quite a few of them even here in Israel.

Even though the governmental anti-Semitism had always been there, it was an open secret that despite hitting, punching and kicking the observers of Judaism themselves, the formal authorities had never attempted to undermine the Judaic origin either of the Mountain Jewish, or of any other Jewish ethnic sub-groups. In this respect, we may bring forth a wise quotation from J. Stalin's book "Marxism and the National Issue" (M., 1946, pp. 12-19), where he points out that by virtue of historic vicissitudes, various Jewish communities "...are disconnected and reside on different territories, speak different languages etc. e.g., such are the Russian, Galician, American, Georgian and Mountain Jews... The above-mentioned Jewish communities, undoubtedly, share their economic and political life with Georgians, Dagestanis, Russians and Americans; existing in the same cultural environment. It goes without saying that the aforesaid cannot help but impose upon them the national character of print. Given that they still have something in common, these are their religious rites, their common origin and some remnants of their national character".

Based upon the comprehensive research on acknowledging us Mountain Jews, the last word was uttered by the Coryphaeus of science, a scholar with hands-on expertise in the field, who had once headed the Ethnography Institute of the USSR Academy of Sciences Academician Yu. V. Bromley. In his expert opinion, the Mountain Jewish local community leaders were those who insisted on renaming us, the Mountain Jews, into the Tats. In other words, "Tatization" was clearly an initiative of those, who, above all, desired to reject their personal Judaic background using doubtful slogans "for the sake of the people". Alas! Back in Stalin's time, the USSR Jews, including the

Mountain Jewish community, were targeted and exposed to the impending threat of forced deportation to the Far East. We were supposed to be violently exiled not due to our Tat roots, and even not as the Mountain Jews, but just as Jews, period. The infamous villain's death (1953) prevented our organized deportation to the Khabarovsk taiga, where special camps had already been arranged for us and awaited the victims.

Nonetheless, manipulating the entire nation, the majority of which was illiterate and simple-minded, our community leaders would "rename" us more than once. We used to be the Tats, then the Mountain Jews, afterwards once again the Tats. Rank-and-file citizens needed no personal de-judaization, since it was unnecessary. A Muslim neighbor would never ever stop considering you "Juhud" ("Jewish"), regardless of whether you were referred to as "Tat" or not. A Mountain Jew with his over two thousand-year old Jewish self-awareness, who had passed through all kinds of tortures and strife throughout his entire ancient history, who had been persecuted, forcefully assimilated, but who nevertheless succeeded in saving his national Jewish ethnos in the midst of the Muslim world, was now offered to forget what defined him before God – his faith, the fundamental and core base of Jewry, his personal self-identification. He was offered to erase from his memory the peculiarities of his language, his culture, traditions and customs, briefly speaking, his whole way of life.

Such manipulations yielded certain outcomes. What the Jews' persecutors failed to accomplish within a millennia, the Mountain Jewish leaders managed to do within several years. Some people, who could be considered as especially weak spiritually, in the existing psychological atmosphere, in the background of overall anti-Semitism, started losing respect towards their personal national self-identification, began shunning their native language, thus, finding some sort of shelter, a hiding

place from their Jewish origin. Readily tearing their ancient Jewish ties, which had always been pertinent to a Mountain Jew within the entire history of the people's existence, from then on, without any threat to their lives, they would register themselves as Tats, Tatars, Lezgins or Azerbaijanis, striving to become as invisible as possible, as it seemed to them, among the other USSR nationalities. Furthermore, some even exceeded and became ethnocentric bigots and anti-Semites.

As a result, already by 1959 (!), in accordance with the USSR population census, it was evident that 24.6% of the Mountain Jews, i.e. a quarter of our whole ethnos, considered Russian their native language. It by no means occurred due to a tribute to the time's fashion, as they claimed. And now, taking into account the current realities of a minor nation's integration into a bigger one, all those processes were apparently accelerated, owing to the ceaseless "Tatizations" of the people that had completely lost the sense of national self-preservation, hoping to acquire the imposed illusive benefits and safe existence in the anti-Semitic world.

We all know full well that not less anti-Semitic was the epoch of our first poets.

But, if the Mountain Jews' big shot Communist leaders, unquestioningly obeying the power, frantically waving their "revolutionary revolvers" in front of their compatriots' faces, breaking fates in a frenzy and depriving their congeners of their lives, made efforts for the sake of their own careers and wellbeing, in order to feel "as smug as a bug in a rug", in contradiction, the rebel poet Mordechai Avshalom "The Siberian" fearlessly rose up against the Tsar regime with his steadfast civil position, his heroic deeds and exploits for the same congeners' sake. He experienced tremendous persecutions and much anguish. In 1925, he perished from his enemy's hand, a representative of another totalitarian regime that overtook the tsar's.

Someone might think that such a detailed reflection on the falsification of the Mountain Jewish origin is “redundant savoring” for our subject matter. However, nothing is over yet. Falsifiers’ past acts result in the detrimental consequences for our people. Spores of self-identification negligence took root in the nation’s consciousness, which were so tenacious that nowadays it expanded to such an extent, that our ancient venerable community is currently facing the risk of extinction. Our Mountain Jewish fraternity is an endangered ethnic species, as it were. Even during these unprecedentedly favorable times for the whole of Jewry, as of today, according to the latest 2010 census data across Russia, only 762 people claimed they were the Mountain Jews! The Juhuri or Mountain Jews are scattered all over the world. There are areas densely inhabited by them, while in other places they are scarce. However, only the Mountain Jewish leaders of the city of Derbent willingly referred to themselves as Tats. The spores of extinction spread throughout our ethnic community from that point on.

All of a sudden, a tremendously dazzling piece of news!

While the last lines of the present essay were being written, Head of Derbent City Council Mr. Imam Muzamudinovich Yarialiev, Lezgin by nationality and Muslim by his religious confession, finally put an end to the humiliating pandemonium of “Tatization”! He signed Decree # 116 on 28 March 2013, in which he publicly announced the following:

“Considering the historical facts and self-identification of the overwhelming majority of the Derbent Municipal District, residents of Judaic descent shall no longer be referred to as “the Judaic Tats”, but as “the Mountain Jews”. Also, in order to restore the correct linguistic term for the Mountain Jews, I hereby declare as follows:

1. In the formal documental terminology of the Municipal District “the city of Derbent” only the term “the Mountain Jews” shall be applied instead of the previously used term “Tats”...

Unfortunately, in spite of this courageous person’s deed, whose name will be gratefully remembered by our community (I am not at all getting at the legal aspect of the document in question), the consequences of the “Tatizators”’ malign and pernicious activities will hardly cease. The thing is that the people have already tasted the forbidden fruit of the long-awaited, imposed “deliverance” from anti-Semitism. Because of the Mountain Jews’ mass migration, in Russia the process of “Tatization” has obtained a new impetus, according to the latest 2010 census info. It seems next to impossible to end the contagious process described above.

* * *

Due to our local community leaders’ destructive and fatal acts, nothing has in fact been preserved from the creative legacy of Aibolo from Tarki. Nothing, but the poet’s name. It is almost impossible to say anything about his poetry. As for Shoul (Saul) Simandu’s creative heritage, just a couple of poems have been preserved. Alexander Semenduev’s book “My Star”, published in Tel-Aviv in 2001, is dedicated to the memory and creative activities of his father Shoul (Saul) Simandu. On pages 28-29, the author is vividly demonstrating the way the leaders of our national pen-club, our writers’ league, were - unabashedly, impudently and systematically - sporadically deleting the original poetic scripts, depriving our dearest poets of their collections of verses: “...Every time they found another reason for not publishing this or that poem and for not returning its original copy”. Or: “...a notebook in thick binding vanished into thin air from Dad’s house, of course, not without evil and ignorant people be-

ing involved. These people are able to dig up the ground, in order to plant thistle instead of roses" and so on and so forth.

Mordechai Avshalom's manuscripts have not been saved, either. Back in 1939, some (pretend?) guest from Moscow, who stayed at Mordechai offspring's place, and who dared to introduce himself as a writer from the capital city, took two plump notebooks with the poet's handwritten opuses. The guest promised to promote and publish the verses. More than that, he even promised to make a movie about Mordechai. He got hold of the manuscripts and disappeared.

What made that writer from the capital city commit such an unseemly act for a scholar, collecting handwritten manuscripts, that is, assuming the man was a writer at all? Was it the Second World War that broke out soon after? Or was it a mere coincidence? Vicissitudes of just life? Or, maybe, here too, we can draw parallels from the preservation of Shoul (Saul) Simandu's verses? Did the high-ranking officials (most likely!) of Derbent talk "the guest writer" into "planting the above thistle", thus acting with malice aforethought? Well, in fact, if the mysterious visitor really was a writer from the capital city, someone must have brought him to the poet's relatives and "helped" them entrust the stranger with Mordechai's writings. There are too many questions, whereas the answers seem to lay somewhere near Shoul (Saul) Simandu's lost verses.

However, as Mikhail Bulgakov wrote in his paramount novel, "Manuscripts never burn". Nor did Mordechai's manuscripts burn. They had been recorded from oral narratives at different times by his enthusiastic admirers – famous Mountain Jewish poets and writers of various generations: D. Atnilov, S. Yusuf, B. Gavrilov. A poet, prosaic and collector Amaldan Kukullu (1935 – 2000) combined them with the other literary works, recorded back in 1965 from the mouths of those who had remembered Mordechai in the city of Derbent. Kukullu outlined

the primary set of Mordechai Avshalom's poems and verses, and so preserved them for generations to come. Strange as it may seem, there were many other writers, Khisgil Avshalumov, Mi-shi Bakhshiev, Manuvakh Dadashev, Yuno Semyonov, Sergey Izgiyaev among them, yet those poems and verses were never published...

We can maintain with certainty that the poems and verses, which we got hold of, compared to their originals, have been changed. Nonetheless, all the verses and poems, recorded from memory, possess a certain unique stylistic penmanship. They are different in their targets and, as in all the genuine poetic creations; the author's personality is invisibly present in them. The most important thing is that the distinctive nature of Mordechai's literary pieces lies in their vividly expressed social protest against the existing political system and the poet's intrepid civil position, which would threaten the insurgent author's life. None of these numerous traits could be traced in any of our literateurs, either in the past or at present.

Back in the 1960-s – 70-s there were few people in Derbent, who had not been acquainted with the legendary rebellious poet Mordechai Avshalom “The Siberian”. Few were those who had never heard the fascinating and enthralling episodes from the life story of the Robin Hood of Derbent. All had heard of his superb ability to tell his captivating fables so fully. Everyone was enthusiastic about his talent to utter short, but apt words that immediately make sense. He is famous for his prolific stock of interesting proverbs. But what truly makes him an outstanding and extraordinary personality in the world of literature is his abundant treasury of poems, verses and songs.

However, as we have already mentioned above, the Mountain Jewish pre-Soviet literature, alongside its founders' creative activities, was fiercely rejected by the Juhuri chief ideologist of the Soviet power in Derbent Y. Matatov. One of Matatov's per-

manent followers until the very last days of the Soviet power was Khizgil Avshalumov. Being the Soviet leader's faithful and loyal supporter from the very beginning, and later on one of the key deniers of our Judaic origin, in the 1970-s he finalized the procedure of "Tatization" of our community at the legislative level, backed up by the Dagestani autonomous republican government, with their tacit consent and approval.

This circumstance, as part of a series of cause-effect relationships, might hardly ever urge him to publish all the materials collected on Mordechai Avshalom's creative works, even in the volume, in which Daniil Atnilov had done it back in 1947.

Kh. Avshalumov's attitude raises several questions, especially concerning his edition of the book "Tat Folklore" in 1940, when he acted as a scholar of the Gamzat Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Scientific Center, USSR Academy of Sciences. Although by the end of the pre-Soviet chapter of this book he did place 15 quatrains by Mordechai Avshalom, in an expanded preface, containing full information on all the authors of the collection, he never mentioned Mordechai's name. Allegedly, the future people's writer of Dagestan, being realistic, could not have passively skipped the rebel poet's creative activities, and while striding over Y. Matatov's prohibition, timidly published Mordechai's verses in his book. Yet, for some unknown reason, he failed to bring the issue to its logical end. Kh. Avshalumov had never, not once, treated any other author with such uncertainty - only Mordechai Avshalom.

What is the matter here than? By that time, he was no longer reliant on Y. Matatov, who had been arrested and taken to jail in 1938. So, what, in fact, imposed such severe restrictions on the young writer's and researcher's brave intentions? After all, given that he behaved like that, he must have apparently had some definite causes, correct?

That publication was the final verdict to Mordechai Avshalom "The Siberian's" poetic destiny, as a result.

Indeed, Mordechai's literary pieces, from then on, were totally ignored by all the printed editions, as though secretly banned by the Soviet power. Kh. Avshalumov himself would always respond to the numerous inquiries and requests from Mordechai's relatives and admirers, to have the late poet's poems published, with lengthy explanations. He interpreted the taboo as follows: it was as if he was afraid of "the wrath" on behalf of the Soviet power, which ostensibly treated the people's poet as a "gangster". A. Kukullu's twofold attempt (according to him) to have the collection of Mordechai's verses and poems published in the Juhuri language (the native language of the Mountain Jews) was also doomed to complete and utter failure. Nevertheless, in light of the rebel poet's huge and outspoken success among the laymen, it seemed impossible not to publish his masterpieces. And so, there were some rare publications on the Robin Hood of Derbent's heroic deeds and exploits that occasionally showed up in periodic editions and literary reviews.

However, why should the Soviet power have treated the people's poet, whose activities matched all the imposed criteria, as its confirmed enemy? If the publications on Mordechai's heroic deeds could somehow be legally viewed as "criminal and those of a gangster" (after all, our legendary defender had practiced robbery and racketeering, using the updated terminology) had yet appeared in press without hindrance, then how come Kh. Avshalumov detected the evidence of "gangsterism" in his verses? In the event that the Soviet power did consider Mordechai "a gangster", the censorship had to pertain to all the facets of his activities: both the poetic and the human rights ones. In other words, the strict censorship at the time would certainly not allow the publishing of anything even slightly associated with this name.

How should we fathom the fact that another prominent Mountain Jewish poet Daniil Atnilov, who had dared back in 1947 to publish Mordechai's five literary works in his poetry collection "Shohirhoy Tati", never endured any persecutions on the part of the authorities? Notably, being a Moscow resident he succeeded in having his book published in the city of Makhachkala at the exact same time of our poetic functionary's absence, when the latter went to the front in 1941 (could it possibly be a mere coincidence?). It is worth emphasizing that Kh. Avshalumov returned to Derbent only in 1953.

Apart from that, Kazi Kaziev, Editor-in-Chief of a Lezgian newspaper "The Communist" also mentions the Mountain Jewish hero fighter Mordechai Avshalom with a lot of warmth and love in his novel about a Lezgin national hero Kiri Buba. Kaziev referred to Avshalom as to "a true friend of the Lezgins". It means that the Lezgian newspaper "the Communist" and D. Atnilov considered Mordechai clean before the law and innocent before the Soviet power, whereas the same power delegated Kh. Avshalumov to disgrace Mordechai, calling him "a gangster", yet only for the Mountain Jews, residing in the city of Derbent. Well, does it not bring to mind the story of "Tatization"? Could that be at all possible?

Shoul (Saul) Simandu and Aibolo from Tarki would never be announced "gangsters", but they suffered from the exact same fate: if at least something was published about Mordechai Avshalom, their names were consigned to oblivion. In his book "My Star" on page 10 Alexander Semenduev points out that his father Shoul (Saul) Simandu's poetry was usually declined, justifying their refusal with the fact that the verses were as if "full of harmful religious mystics". That happened back in the 60-s – 70-s of the past century.

In this context, Kh. Avshalumov's belated regrets and remorse are of some interest, as they incite our curiosity. A. Se-

menduev published Avshalumov's revelations in the foreword to his collection "Devrme" ("My Time") (Makhachkala, 1991, p. 6): "...Despite Shoul (Saul) Simandu's poetic authority and fame among our local people, his literary works have not been issued until present. Nothing, even a little bit, has ever been written about this respected man of worth, nor has anything been said about his outstanding poetry. Unfortunately, this poet's verses were not properly recorded, collected and preserved; many of his poems simply disappeared..." That is how Khizgil Avshalumov wrote, but already in the 90-s, after Gorbachev's policy of perestroika and glasnost had taken over the country.

What else can be added here? One of the national poets was "a gangster", while the other one was "a pious mystic".

What is left here is just a need to remind us that in those Soviet times there had been no other censor or licenser of the press, except for Kh. Avshalumov himself.

Until present Mordechai's poetry has not actually been published, except 15 quatrains, issued in 1940 by Kh. Avshalumov in "Tat Folklore", and yet another 5 verses, published by D. Atnilov in 1947.

For the first time, after the collapse of the USSR, in 1995 in Moscow a book was published by a poet-prosaic Amaldan Kukullu (Amal Danilovich Kukuliev) called "Mordechai Avshalom – Songs, Verses, Laudatory Odes and Epitaphs". In his book the author first delivers to the world the entire volume of all the rich literary material, collected and recorded from oral narration at different times, by the well-known and renowned Mountain Jewish writers, as well as by Kukullu himself. These are all of Mordechai's works, including ten proverbs and sayings, associated with the poet's name, and one Juhuri fairy tale "Mordechai the Just". However, the true novelty of this book is that Amaldan not only reminds his dear fellow citizens once again about the issue of the poet-defender's murder (!), but that

he does it for the first time in press! He also, for the first time out loud, in press, refers to Mordechai as to "a classic and patriarch of the Mountain Jewish literature"!

Amaldan Kukullu apparently could not imagine that the word "poisoned" would arouse such turmoil and commotion in the life of two writers – Kh. Avshalumov and M. Dadashev that his revelation acted like a surprise bombshell coming out of the blue. It stirred and disconcerted the two to such an extent that they immediately responded to the book. First and foremost, an extended essay by Kh. Avshalumov appeared, called "The Rebel Poet Mordechai Avshalom "The Siberian" (Derbent, newspaper "Vatan", # 98-104, 1995), and 12 years down the line, in response to an article with the same title in the Caucasian newspaper appeared M. Dadashev's feature article "No, I Did Not Die, I Am Still Alive" (Israel, almanac "Mirvori", # 3, 2007).

To the unacquainted reader, these were two excellent essays, which seem to trigger nothing else, but thorough gratitude toward the outstanding tribesman's memory. Yet that could be only if the reader had not been knowledgeable of the reasons, for which those writers were forced to hastily have their articles published.

Throughout their long creative lives, neither of the above writers had ever scribbled even one line about their legendary compatriot. Even in the time when Mordechai had been enormously popular with the local folk. Nor did they write anything about Shoul (Saul) Simandu and Aiblo from Tarki, as though they had no affinity to the First Poets' existence.

G. B. Musakhanova writes, "These authors' primary goal might have been to "anchor" their own names among the other researchers of the famous classic's life, and not to show the full power of Mordechai's poetry". No doubt about it.

Yet in 1995 the key assignment of the then oldest, 82-year old writer Kh. Avshalumov (1913 - 2001), whose entire elderly

age had been spent under the pressure of the hoarding consequences of his "Mountain Jews' Tatization" initiative, was far from enlivening Mordechai Avshalom's past glory, nor immortalizing his poetry among people, but, primarily, it was to distract the unsophisticated reader's attention away from focusing on the real cause for the poet's death.

Amaldan Kukuliev writes that in 1990 he visited Kh. Avshalumov in Makhachkala. He also shared the details of that visit with the author of these lines during our meetings. Amaldan introduced the leaders of the Mountain Jewish pen club with the text of his future book on Mordechai Avshalom, where the latter was referred to as "a classical poet", "a founder of the Mountain Jewish literature", for the first time in print. Amaldan also implied that in his upcoming book he intended, for the very first time in press, to touch upon the true reason for the people's defender's death. The wording was as such: "poisoned by his ill-wishing detractor". The word "poisoned" suggests the existence of the murderer-poisoner! Naturally, he complained to Avshalumov about his vain attempts to have Mordechai Avshalom's poems and verses published.

All of that was not at all to Kh. Avshalumov's liking. Yet at the same time it also calmed him down. After all, he could see that Kukuliev had been unable to do anything with the complete assemblage of materials gathered back in 1965 in the city of Derbent. As he learnt that in 1995 Amaldan, at last, published his censored underground handwritten iconoclastic book "Samizdat", by the following year he had hurriedly published his article, as an official publication, in response to the above book. Avshalumov counted on his impeccable record and authority. He was hastily striving to refute all of Amaldan's explications and to deny his conclusions publicly, especially those dealing with Mordechai's assassination, lest they gain a solid, formidable niche in the readers' minds. Above all, Khizgil did not wish

for the assassin's name to surface. For at that time not only the very fact of the murder was in question, but also the name of the Robin Hood of Derbent himself, was being remembered less and less, especially by the younger generation, again due to the same Avshalumov's meticulous efforts.

In his article, Kh. Avshalumov states that Mordechai the Hero passed away, as a result of his numerous diseases and ailments, which he contracted during the course of his hard labor at the Tsar penal servitude. He writes in such a tone, as if he was personally present at Mordechai last breath, and not the poet's relatives and guests at the 1925 Mountain Jewish wedding party, in which, as it was, the national idol, as usual, acted as a toast-master and entertainer. Avshalumov as though witnessed Mordechai's agony after he had been poisoned by one of his clandestine foes, who had been bearing him grudge ever since the Tsar days. Even though the murderer's name immediately proliferated among the local people, Khizgil ignored this well-known fact, relying on the human memory, which tends to weaken with the years. In his eloquent and wordy essay, he declares "from the rooftops" that Mordechai Avshalom died because of his illnesses, contracted in the Siberian exile, trying hard to repudiate the very assumption that someone could have been guilty of Mordechai's death. There must have been a reason that made the respected guru of the Mountain Jewish writers' organization lie to his readers. Considering how most of the article is actually dedicated to the detailed description and praise of some billionaire's merits, - one who has nothing to do with the narration on Mordechai Avshalom, we may ask ourselves the question: why on earth did the author decided to introduce that person to begin with?

Let us continue. While giving his appraisal to Mordechai's verses and assessing the poems, Avshalumov failed to publish even one of them, for the readers to be able to take part in the

process of appreciation. After all, both Dadashev and Avshalumov were familiar with Mordechai's poetry, yet kept his literary pieces in their archives. As far as I can remember, at one of the meetings held back in 1987, A. Kukullu, who had been arranging his biographical book on Mordechai for publication, was wistfully saying to the author of these lines your humble servant (i.e., S. Shalumov), "Pray heaven we join forces with MIchail Dadashev. He has so many materials at his disposal, that we could issue one big book about Mordechai...". A. G. Musakhanova recalls, "Kh. Avshalumov knew all of his (Mordechai's) poems by heart, from what I personally witnessed in the mid-70-s at his place, while he was reciting them to me with great inspiration throughout the entire evening".

In his essay, Kh. Avshalumov accentuated that he himself "had gathered and recorded Mordechai's verses". Paying tribute to the rebel poet's literary chef-d 'oeuvres, he added, "... His songs reveal this songwriter's unconditioned and indisputable talent"; "...All the songs written by Mordechai Avshalom, were as if folk songs, which later on became actual hits". All this testifies to the grand popularity of the national defender's figure; likewise, it focuses on the universal fame of the poet's literary pieces among the public. "I remember," – He writes on "Back in the 30-s, when I was still young and fledging, wherever I come, be it a wedding party, some regular visit, or a public place where people would get together and talk, both the elderly and the youngsters of Derbent were reciting Mordechai Avshalom's poems and chanting his canticles with delight. Older people, on reciting his poems, would provide their analysis and interpretation, sharing with the young Mordechai's life vicissitudes, telling them about that prominent people's hero, about his love for the poor, the way they all were proud of Mordechai". Then he adds, "It is a pity none of our national composers has ever approached his songs, to afford them a tune. None of our national

playwrights has ever written a single play based on his life story”.

It is clear that this is the sign of Mordechai Avshalom's assessed creativity.

What is unclear is something else: where was Kh. Avshalumov himself? What for all this lyricism, mixed up with blatant cynicism? Had he in his then lead position not been the main cause for all his remorse, pangs of conscience and compunction? Had he not been fully responsible for the preservation of the Mountain Jewish literary sources? Providing that he did regret what had been done to Mordechai Avshalom, and that he really was interested in keeping the national poetry afloat, as well as preserve the names of the brilliant forefathers and founders of the Juhuri literature, given that all that he wrote and said was not another manifestation of cunning craftiness and slyness, but his sincere viewpoint and frank attitude, then which music to Mordechai's songs and which dramas and plays to be staged based on Mordechai's life was Avshalumov referring to? After all, it was he and his team of censors that contributed enormously to tarnishing Mordechai's reputation, blackening his image, condemning his creative works, and announcing the poet “a mobster”, “an outlaw thug”, thus blocking all his paths to publications. The attentive readers surely recall from the previous lines that almost all the famous writers and poets (judging by their reminiscences) were engaged in the process of collecting and recording oral stories about Mordechai, documenting his verses, poems and songs, in order to publish them later on, thus, perpetuating and memorializing them for future generations. However, since these poets and writers failed to have the collected and recorded materials published, we may infer that it was next to impossible to do so, because of the tough censorship restrictions, imposed upon Mordechai's poetry, as well as upon the other pre-Soviet poets.

Being highly experienced, Kh. Avshalumov, provoked by A. Kukullu's publication, went out of his way trying to show his fidelity to Mordechai Avshalom. He provided a worthy evaluation of Mordechai's creativity. A people's writer of Dagestan and an acknowledged professional could not have acted differently, as it would have been considered awry. In addition, the fairly just attitude toward the national poet's literary activities and creative achievements that had long been ripe in the people's souls and minds, was due to be publicly demonstrated to them, given that Avshalumov had already addressed the topic. Moreover, understanding full well the significance of his assessment, and fearlessly proving it, Khizgil Avshalumov assumed no-one would be capable of doing a thing with his appraisal and loud acclaim of Mordechai's poetry any longer, since it was too late, - "the ship had sailed off a long time ago". Nevertheless, perhaps, to be on the safe side, the author drastically changed the stream of his contemplations, turning the subject matter and dropping a tiny "little fly into the ointment", stating that "... He (Mordechai) had written all his songs only while in Siberia... he had no other songs written, neither before his exile to Siberia, nor after coming back". He then adds in the next line, "However, in my opinion, it is too hard to put an end to this doubt and to clarify the real state of affairs". What did he imply? Why was it necessary to make his readers doubt? Now it is not that important anymore. What is more important is that all the doubtful thoughts that might have appeared in the reader's mind would be swept away immediately, without a second thought. The proof to this is the verse "A Letter Home from the Tsar Army", which at different times was preserved and recorded from oral recitals by the renowned Mountain Jewish writers S. Yusufov and B. Gavrilov. The verse had been compiled by Mordechai during his military service in the Russian-Japanese war, right after his return from the Siberian exile. Yet another

verse "The Stone Faces", recorded by A. Kukullu in 1965 from the people's mouths, had been written by the poet, when he had been a "chaush" – a cop, during his enrollment with the Derbent municipal police department, long before his exile to Siberia. There are loads of such vivid examples!

How legitimate and competent can such a doubtful attitude be with regard to the poet, whose susceptible, sensitive soul and bleeding heart would respond to the people's pain by means of his poetry, in the reciprocal duality of his character - the spirit of a defender and the spirit of a minstrel? These two merits interlaced and formed the basis of the poet's existence in all his active spiritual life. The creed of "writing here and keeping silent there" never prevails. A creative personality, much like Mordechai, is unable to exist without creativity! Are the numerous laudatory odes and epigrams not the poet's pondering of his life? These literary items could have been written by Mordechai Avshalom already after the Soviet power had been established in the area, on the whole, and in the city of Derbent, in particular.

At any rate, what did prevent Kh. Avshalom, who remained the leader of the Mountain Jews' writers' organization and pen club, from publishing Mordechai's literary pieces, now that the Soviet power has demised, when there were no more apparent obstacles and roadblocks, set up by that former power? He realized full well that over the course of the years there was no one else that possessed the same amount of preserved literary works by Mordechai, as he himself had, therefore, unless they were published at that time, they might have been lost forever. Notwithstanding the aforesaid circumstance, he still didn't have the national poet's verses and poems published. Nor do we know anything about Mordechai's verses and poems, recorded by Avshalumov from the people's oral memory.

...12 years had passed ever since A. Kukullu issued his book. In 2007, "Mirvori" Publishing House, issuing "The Cau-

casian Newspaper” in Israel, published an article on Mordechai Avshalom for the first time, following Amaldan Kukullu’s book with the same definitions of the hero poet. From now on, Dadashev behaves in the exact same manner. In the same Publishing House and almanac “Mirvori”, for the same year 2007, in response to the above-cited article, he immediately issues his own essay, littered with copy-pasted Avshalumov statements and judgments.

Although they have much in common, in terms of their “interest” in the personality of Mordechai Avshalom’s, M. Dadashev seems to fulfill a completely different task than A. Kukullu. Being a loyal apprentice, a true follower and a like-minded disciple of his teacher, he treats “Tatization” of the Mountain Jews, concealing the real reasons for Mordechai’s death, likewise all that associates with this name is some way or another, by “mudding the waters”. Dadashev’s primary goal is to justify his mentor’s destructive efforts, started by Y. Matatov, to the people’s poet. In order to achieve his purposes and complete his indelible objectives, M. Dadashev resuscitates and reanimates his teacher’s insidious fabrications and plans concerning the poet’s death, and focuses his readers’ attention on the rebel’s alleged “sickness”. Like his teacher Kh. Avshalumov, Dadashev introduces an extremely foreign image of the same unknown “Maecenas”-billionaire in his article on Mordechai, compliant with his mentor’s well-beaten scenario, being too wordy in praising the stranger, as if trying to avoid some unwelcome discovery or an undesirable realization.

If the distortion of the truth about Mordechai’s death, say, by Kh. Avshalumov, is somehow reimbursed by his belated fair assessment of the national poet’s literary accomplishments, M. Dadashev acts completely the opposite, running to extremes. Unlike his teacher Khizgil Avshalumov, who is the renowned people’s writer of Dagestan, Michail Dadashev bravely dares

venturing with “the judge’s wig” and preemptively, *ex cathedra* and shamelessly belies the artistic value of Mordechai Avshalom’s creative activities.

M. Dadashev, in his fantasies, tries persuading his unsophisticated reader that Amaldan Kukullu’s “attempt to attribute him (Mordechai Avshalom) some laudatory odes and epitaphs” is done only for the purpose, as he claims, “of a more complete picture of his (Mordechai Avshalom’s) merits as a Dagestani literary classic”. He even uses the inverted commas with the degree of comparison “more complete”, to emphasize the meaning of this word pairing. For some enigmatic reason he fails to detect any pronounced targeting of Mordechai’s poems; nor does he notice the author’s obvious spiritual presence in the lines. He ignores Mordechai’s autobiographical references in his verses. He does not see or is reluctant to see the objective process of the poet’s natural transition from his songwriting to author’s lyrics. Yet despite all the critique expressed in terms of Mordechai’s poetic quality, M. Dadashev still echoes Kh. Avshalumov in referring to Mordechai’s poetry as “folk rhyme”. However, he still cannot consider the people’s poet a classic of the Dagestani literature, because “Mordechai’s poetic legacy is too minute, amounting only to 90 quatrains altogether”. Is that really so? Even though many, too many of Mordechai’s verses have been lost, are the remaining few not enough to be viewed as heritage and to qualify for consideration as a classic? Even without the inventory of “laudatory odes and epitaphs”! Not all the Muslim ethnic groups surrounding us, have ever wasted their time counting and recalculating the classics’ literary items, have they? Finally, can the poet’s significance be determined via the weight of his “scrap paper”, rather than his literary effort? Our history abounds with analogous cases. Do these “90 quatrains” he is referring to, not belong to the ones promised to A. Kukullu for the joint book on Mordechai? Consider all the poems and verses by

Mordechai's, which have been selflessly gathered and recorded at various times by the famous writers of our community, and none of them has ever been interested in attributing anything extra to Mordechai Avshalom. His preserved legacy could easily do without any fake additions and interlineations. Therefore, all of M. Dadashev's dubious contrivance is palaverous. He must have been driven by the necessity to justify, at all cost, his mentor's detrimental efforts that so unsparingly and mercilessly demolished Mordechai Avshalom's creative fate.

All that, in combination with the false interpretation of Mordechai's death, as well as the many surrounding the people's defender's life, cannot continue without an apt response. For the historical truth, eventually, calls for justice. After all, there were other cases of contorted reality, e.g. in one of the publications from the 70-s, in a footnote at the bottom of the page the reader was informed that "Mordechai Avshalom had died in 1925 while serving his sentence in the Siberian penal servitude". In other words, the younger generation was already being brainwashed about Mordechai Avshalom's death, since he was an inmate of the penitentiary system and "an outlaw" of the Soviet power.

Nevertheless, by closely scrutinizing their "researches" in articles and essays on the cause for Mordechai's death, on the one hand, and exploring multiple praises of the billionaire's merits and outstanding qualities, on the other hand, it clearly reveals that the authors were not at all concerned with Mordechai Avshalom's life story (even though the main goal of the said articles and essays was his autobiography) but were trying their best to "whitewash" the billionaire, vindicating him of the murder committed. They wrote those essays so, as to exclude in advance the very fact of the murder, focusing the readers' attention on Mordechai's death as a result of his fictional disease, thus, trying to deny the possibility of the assassin's very exist-

ence. It was vitally important for them! For the purposes mentioned above, a substantial part of their articles and essays was dedicated to the billionaire's intrusive praise. The billionaire, Mordechai's antipode, is not related to the essays on the national poet and protector. The effervescent praising of the billionaire is so redundant and improper, so verbal, discordant and prevalent, that one cannot help but involuntarily wonder whose interest the authors of the aforementioned essays, in fact, serve, - Mordechai Avshalom, in whose name they had been written, or the billionaire?

As a result, through their laudatory rhetoric they succeeded in achieving the inverse outcome, framing the billionaire in accordance with the well-known Russian proverb "A guilty mind betrays itself"!

Initially, our leaders had no plausible reasons for renouncing the sources of their literature. They would scarcely have abandoned their literary origins. However, given that they had erased our pre-Soviet literature from our history, it had not been done due to hypothetical anti-Semitism toward the Mountain Jews of Derbent, but for some other reason.

In other words, even if G. Musakhanova claimed that "Y. Matatov had withdrawn our Turkic Poets only because of the Hebrew alphabet", although such a step might have had its indirect meaning in my impression, that would not have been enough. Additionally, the presence of Mordechai Avshalom's name in the pre-Soviet literature, alongside the other First Poets' names, would automatically place him in the frontline of the Dagestani literary classics. However, the above circumstance, taking into consideration the popularization of the classic's biography, sooner or later lead to the divulging and official pronouncement of his murderer's name. The rebel poet's name could have been removed, allowing the authors to calm down and feel safe again, yet they were all well aware of the fact that a

complete stratum of the Mountain Jewish pre-Soviet literature without Mordechai Avshalom is unattainable. Henceforth, they made up their minds to delete, or hide of sight, the whole pre-Soviet literature with its ancestral forefathers and founders.

If we peep into the ancestry line of the billionaire, so widely praised by them, and detect which place Y. Matatov, Kh. Avshalumov and other key figures in the community occupy in it, then it becomes quite evident: for whose sake it was needed to erase the pre-Soviet literature off the Mountain Jews' history; for the sake and in favor of who Mordechai had been declared "a gangster", while Shoul (Saul) Simandu – "a religious mystic".

Thus, the issue is not simply the hostile rejection of Mordechai Avshalom's personality, nor the non-admittance of Mordechai's name into the gallery of the pre-Soviet poetry, but, above all, it is the clandestine concealment and disguise of the mighty and influential murderer's identity.

For these reasons and for the purpose of confuting other renditions and conclusions made by A. Kukuliev about the main character of his book Mordechai Avshalom from Siberia - so appeared the above articles and essays.

As for Amaldan's book - these two writers' articles and essays would have never been published without it!

Ever!

And yet, without the mentioned essays, in which their authors' purposeful lies serve the goal of cloaking the truth, misleading the reader and disorientate the community's younger generation, then the current research-paper would hardly be considered necessary... However, not only is it impossible, but it is practically criminal to keep silent about all that took place!

* * *

There had never been any pressure on behalf of the Soviet power directed toward Mordechai Avshalom. Moreover, the Soviet power never wished for the Mountain Jews to separate from Judaism. These falsifications were specifically initiated and designed by Juhuri or Judeo-Tat community leaders to satisfy their own aspirations and meet their own needs.

Kh. Avshalumov himself explains in his factual article that during the Tsar times, only well-to-do upper classes labeled Mordechai “a mobster”, in response to the poet’s human rights related activities. The rich and wealthy class representatives wished for Mordechai to be imprisoned and exiled to faraway Siberia, which did, in fact, happen. However, Avshalumov never mentions, neither in that article, nor in any other printed source, that the Soviet power followed the same guideline: to treat the national defender as “a gangster” and Shoul (Saul) Simandu as “a religious fanatic” (which sounds especially ungainly, given that the entire Mountain Jewish population was pious). Pretending as though he had never refused publication of the above poets’ literary pieces for the above-indicated reasons! How can it be understood, I wonder? Was it another trick on his part, counting on the people’s forgetfulness, since so many years had passed by?

Could it be that the author of the famous “Shimi Derbendi” himself inherited and adopted the “gangster’s” label from Mordechai’s pre-revolutionary foes and successfully legitimized it, this time on behalf of the Soviet power? After all, everything is possible in the remote peripheral town of Derbent. Why “successfully”? Because “by their grace” at present, even in Israel, some elderly people, including educated and well-read representatives of our community (not to disgrace, God forbid!) still sincerely believe that it was the Soviet power that came up with

the idea of denouncing Mordechai, humiliating him, reducing his glorious name into mud and calling him “a mobster”.

* * *

It is clear that Mordechai was not referred to as “a gangster” solely by the Soviet regime. This derogatory image was first set forth by the pre-revolutionary ostentatious tycoons and luminaries, whereas during the Soviet period it was reinforced by their closest fellow brownnosers, who penetrated the local authoritative branches of governmental power, and continued determining the ley-people’s fates under the new conditions. Being ideologically linked, sharing their overwhelming hatred with those for whom the very memory of the Derbent Robin Hood would cause menace ever since the pre-revolutionary era, they tried their best to cause as many possible problems as they could to the national poet and protector. They were both the basis and consequence for all the enumerated reasons above, which first led to the death, and later to the abeyance of one of the most remarkable sons of our ethnos – Mordechai Avshalom “The Siberian”.

Nevertheless, despite all that was told here, Mordechai’s poetry overcame its years of formal muteness. It has been well preserved and living in the people’s memory for 150 lengthy years, since it is near and dear to the people, because he himself has been loved and respected by the people, as the man who fathoms his compatriots’ sufferings with pain and empathy.

“Mordechai Avshalom’s (The Siberian) role cannot be underestimated in relation to the development of the new democratic features of our literature... Having marked the starting point for the Mountain Jewish novel writing culture, he combined in his literary works national traits and general Caucasian traditions and customs, thus, reflecting the awakening of the

human character, involving his beloved Derbenters in all-Caucasian and all-Russian historical processes taking place at the end of the 19th – and the beginning of the 20th centuries, by creating exquisite samples of high level poetry,” – wrote G. B. Musakhanova in her letter.

Mordechai Avshalom is a valuable national asset to his people! A true phenomenon! A phenomenon of social and cultural life of the Mountain Jews.

EPILOGUE

Turbulent historical processes occurring at the end of the 19th – and the beginning of the 20th centuries, were the consequence of laymen national singers coming to stage and entering the spotlight. Those were rebel poets, founders of many Dagestani people’s national cultures, including the Mountain Jews. Their tragic fates resemble that of our own rebel poet’s. Due to their freedom thirsty poems and verses, they, as Mordechai Avshalom, were exposed to persecution by the Tsar followers and local greedy governors, exiled to the Siberian penal servitudes numerous time, suppressed and even murdered. Alas, their grateful offspring would never mark the label “gangster” on them, the way Mordechai Avshalom’s enemies would brand him. They would instead fairly and legitimately declare them the founders and ancestors of their national literary cultures.

I am holding in my hands a gift poetry collection “Mountain Lyric Lines” (Makhachkala, 1972) with verses and poems of the “glorious bards of the pre-revolutionary Dagestan: Batyrai Omarov, Mahmud from Kohabroso, Irchi Kazak, Etim Amin, Schaz from Kurkli...” presented by such talented literary translators, as Yu. Neiman, S. Lipkin, E. Kapiev, who were also translating the poetic pearls and diamonds by the great Rasul Gamzatov...

I am reading through their masterpieces and then returning to Mordechai Avshalom's poetry... It is so bitter and infuriating to realize that because of selfishness and malice, illiteracy and indifference, Mordechai Avshalom "The Siberian", an asset and pride of our people, was not only abandoned, ignored and excluded from the Dagestani national poets' frontline, but also deleted from our history for far too many a decades...

Hadera, Israel

СОДЕРЖАНИЕ:

Г. Мусаханова. Письмо-отзыв	5
Л. Микдаш-Шамаилова. Общие корни - высшая близость ...	17
Д. Бахшиев. Об изучении творчества поэта Мардахая Овшолума	25
Ш. Шалумов. Возвращаясь к истокам... или «Шила в мешке не утаишь»	27
G. Musahanova. Letter – Comments	62
L. Mikdash-Shamailova. Joint roots - The supreme intimacy	72
Sh. Shalumov. Returning to the origins... or “What is done by night appears by day”	81

Шалум Шалумов / Shalom Shalumov

**Возвращение к истокам... или “Шила в мешке не утаишь”
Returning to the origins... or "What is done by night appears by day"**

Печатается в авторской редакции.

Перевод на английский выполнен Бюро переводов “Seven-Seventy”.

Художник – Шалум Шалумов

Вёрстка и художественное оформление – Шауль Симан-Тов.

Сборник подготовлен к изданию и выпущен
Центром сохранения и развития национальных традиций,
самобытности языка, культурного и исторического
наследия горских евреев «Sholumi»
при поддержке президента
Международного благотворительного фонда «СТМЭГИ»
д-ра Германа Рашбиловича Захарьева.

Подписано к печати: 20.6.2017

Отпечатанно в Хайфе (Израиль)

www.sholumi.com - sholumi@gmail.com

© Shalum Shalumov 2017, Israel

© «Sholumi» 2017, Israel